

Сталкер времени. Павел

Ингвар Го

Ингвар Го
Сталкер времени. Павел

«Автор»

2023

Го И.

Сталкер времени. Павел / И. Го — «Автор», 2023

Нам очень долго и упорно твердили, что Российский Император Павел Первый был человеком, мягко говоря, немного «странным». И это не удивительно, историю иногда пишут люди, не всегда отталкиваясь от реальных событий, а просто что-то придумывают, исходя из своих представлений о мире, или выполняя чью-то волю. Да простят меня все уважаемые историки за это дерзкое высказывание. Изучая факты, я попробовал посмотреть на фигуру Павла Петровича с другой стороны. Немного пофантазировал, добавил мистики и волшебства... И хочу в скором времени вынести на ваш суд свой новый роман «Сталкер времени. Павел».

© Го И., 2023

© Автор, 2023

Ингвар Го

Сталкер времени. Павел

-1-

Конец июня две тысячи семьдесят восьмого года. Михайловский замок. Центр Санкт-Петербурга.

Михаил Русев посмотрел на старинные часы, которые стояли на камине в его небольшом рабочем кабинете, стрелки показывали без тринадцати двенадцать, но было светло, в Санкт-Петербурге стояли Белые ночи.

«Через тринадцать минут наступит двадцать второе июня», – подумал Михаил и негромко проговорил строчки давно уже забытого русского поэта:

– О, роковой российский месяц, кровавый тягостный июнь. Ладно, до открытия выставки еще три дня, на сегодня хватит, уже поздно, пора домой.

Михаил выключил голографический экран своего компьютера, вышел из кабинета и направился к выходу.

Михаил Русев работал старшим научным сотрудником в Михайловском замке, в филиале «Русского Национального музея». Двадцать пятого июня в замке открывалась выставка «Император Павел Первый в живописи», в ее подготовке Михаил принимал самое активное участие. Это была его первая выставка, он очень волновался и полностью был погружен в работу.

Михаил прошел мимо Предтронной залы Императрицы Марии Федоровны (супруги убитого Императора Павла Первого), покоев Великого Князя Константина Павловича, Галереи Рафаэля, по залу Антиков и неожиданно услышал свои шаги, они звенящим эхом разлетались по пустому замку. Это было очень странно, возникало ощущение, что у него на ногах не спортивная (почти бесшумная) обувь, а ботфорты с медными подковками. Русев остановился, все стихло, но когда он пошел дальше, звуки снова возобновились. Михаила охватила паника, он побежал и под металлический грохот своих кроссовок «пулей» промчался по Парадной лестнице, и выбежал на улицу.

Во внутреннем восьмигранном дворе, выложенном черной брусчаткой, было очень тихо. Не помня, как, Русев оказался в самом центре восьмигранника, остановился, вытер со лба пот, посмотрел на шпиль церкви Архангела Михаила и перекрестился. И здесь он почувствовал, что за его спиной кто-то стоит и очень внимательно смотрит на него. Русев резко обернулся и увидел памятник Императору Павлу Первому. Михаилу показалось, что Император чуть привстал со своего Мальтийского трона и скипетром, который держал в правой руке, как бы поманил его к себе.

«Мистика какая-то», – подумал Михаил и вспомнил историю старого Главного Хранителя Михайловского замка Петра Аркадьевича. Хранитель рассказывал, что очень давно, еще во времена его молодости он работал в своем кабинете над какой-то статьей и закончил ее лишь далеко за полночь. Проходя мимо Тронного зала, он увидел белую фигуру в треуголке, по своим очертаниям очень напоминающую убитого в замке Императора Павла Первого. Фигура погрозила молодому Петру Аркадьевичу пальчиком, и после этого случая он никогда не задерживался в замке позже восьми часов вечера.

«Нет, все, довольно, домой, домой и спать», – подумал Русев.

Откуда-то послышался чуть приглушенный бой курантов, Михаил начал считать: «Один, два, три, ... двенадцать». И в эту секунду от стен Михайловского замка стало исходить свечение, а из восьми углов восьмигранного двора появились лучи, которые сходились в центре, там, где стоял Русев. И вдруг яркая вспышка. Мгновенье, и Михаила не стало, он исчез, свечение и лучи тоже пропали.

Из маленькой голубой будки у Главных Воскресенских ворот выбежал перепуганный охранник. Он видел все: и свечение, и лучи, и исчезновение Михаила. Все произошедшее не укладывалось у него сознании, охранник подбежал к центру двора, где только что стоял Русев, удивленно развел руками и немедленно вызвал Федеральную полицию.

Приехавшие к замку полицейские не нашли ничего криминального, не дал результатов и просмотр записи камер видео-фиксации, в момент исчезновения Михаила Русева они почему-то не работали.

Полицейские не поверили путаному рассказу перепуганного охранника. И сказали, что если в ближайшее время родственники так называемого «исчезнувшего» направят в адрес Федеральной полиции официальный запрос, то полиция приступит к поискам пропавшего, а раз пока такого документа нет, они не станут заниматься расследованием каких-то там чудес и паранормальных явлений. Полиция уехала. Расстроенный охранник вернулся в центр восьмигранника и посмотрел на небо. Было уже почти утро.

-2-

Апрель одна тысяча семьсот восемьдесят первого года. Остров Мальта. Средиземное море. Великий Магистр Мальтийского ордена Эммануэль де Роган стоял в своем Ореховом кабинете у шкафа-бюро, украшенного резными бюстами Римских Императоров, и внимательно изучал бумаги, предоставленные ему Казначеем ордена Палаццо. Судя по кассовой ведомости, составленной им, расходы были очень велики, а доходы не покрывали их.

– Да, – сказал Эммануэль, оставил бумаги на бюро и подошел к небольшому столику, на котором стояли шахматы, вырезанные из янтаря – подарок ордену Короля Пруссии Фридриха Первого. Взял с шахматной доски фигуру белого короля, очень внимательно посмотрел на нее и подумал: «Наш орден уже не так силен и могущественен, как это было раньше. Казна скудеет с каждым годом. Мой предшественник Великий Магистр Франциск Хименес уже хотел начать продавать наши Священные реликвии, чтобы спасти финансовое положение ордена, но Господь позаботился о нем и взял его к себе, и он не совершил это святотатство. Похоже, то, что не успел Франциск, придется сделать мне».

Эммануэль вернулся к бюро, взял серебряный колокольчик и позвонил. Через несколько секунд в Ореховый кабинет вошел его секретарь Джузеппе.

– Слушаю тебя, мой господин, – сказал Джузеппе и поклонился.

– Я хочу немедленно видеть нашего Казначея Палаццо.

– Я вызову его, – ответил секретарь и вышел из кабинета.

Через несколько минут Палаццо стоял перед Великим Магистром.

– Я бы хотел сейчас вместе с тобой отправиться в нашу Сокровищницу и осмотреть ее, – очень серьезно сказал Эммануэль. – Возможно, с какими-то Священными Реликвиями нам придется расстаться.

– Но, Великий, – возразил ему Палаццо, – собирая их, наши братья заплатили за это своей кровью и жизнью!

– Я знаю, – задумчиво ответил Магистр, – через какие лишения и испытания прошли Рыцари нашего ордена, но, чтобы спасти его от разорения, мы должны чем-то пожертвовать, идем.

Они вышли из Дворца Великого Магистра в Валлетте, сели в небольшую карету и примерно через полчаса были у ворот Форты Святого Ангела, в нем хранились сокровища ордена. Ворота охраняло несколько Рыцарей, вооруженных холодным оружием. Оказав Великому Магистру и сопровождавшему его Казначеем все церемониальные почести, они пропустили их в Форт. Пройдя по небольшому внутреннему двору, Эммануэль и Палаццо подошли к массивной, искусно декорированной бронзовой двери. Ее тоже охраняло несколько вооруженных

Рыцарей. За ней находилась каменная винтовая лестница, ведущая в подземелья Форта, туда, где и хранилась Сокровищница Мальтийского ордена. Освещая себе дорогу двумя факелами, Великий Магистр и Казначей спустились вниз и оказались рядом с решеткой, за которой находилось Хранилище Священных Реликвий. Палаццо снял с пояса ключ, открыл замок, и они вошли.

В центре стояли три круглых постамента из итальянского мрамора, на каждом – по золотой шкатулке. В первой хранилась частица животворящего креста, во второй десница Иоанна Крестителя, а в последней, самой большой, Священные кресты Великих Магистров.

Палаццо не стал объяснять Эммануэлю, что в золотых шкатулках, Магистр это и сам прекрасно знал. Казначей показал на пять больших сундуков, стоящих справа у стены, и грустно произнес:

– Здесь раньше хранилось золото нашего ордена, – и начал их по очереди открывать, четыре оказались абсолютно пусты, лишь в пятом, заполненном на одну треть, лежали золотые монеты, как показалось Великому Магистру, французские Луидоры.

– Там у нас хранятся... – хотел продолжить свою экскурсию Казначей, но не успел, его перебил Эммануэль и спросил:

– Что здесь? – и показал на серебряный ларец, который, похоже, очень давно не открывали, он весь был в пыли и паутине.

Палаццо с удивлением посмотрел на ларец и растерянно произнес:

– Я не знаю.

Ответ очень не понравился Великому Магистру, и он, не скрывая раздражения, сказал:

– Что значит: – «Я не знаю»? Ты Казначей ордена и должен знать все, что здесь хранится.

Магистр смахнул с ларца пыль и паутину и попытался его открыть, но тот был заперт.

– У тебя есть ключ? – спросил Палаццо Эммануэль.

– Нет, – ответил Палаццо, но здесь он вспомнил, что его предшественник говорил ему, что ключ от этого ларца всегда хранился у Великих Магистров ордена и передавался от одного к другому. Это могло спасти Казначея от гнева Магистра, и он быстро проговорил:

– Мой, господин, да, я не знаю, что в ларце, но ключ от него должен быть у тебя.

– У меня? – удивленно спросил Эммануэль.

Одна тысяча семьсот семьдесят пятый год. Эммануэль де Роган (тогда еще простой барон) пришел к прикованному к постели Великому Магистру ордена Франциско Хименесу. Умиравший сразу узнал его и дрожащим голосом произнес:

– Я знаю, ты скоро займешь мое место, ты самый достойный из достойнейших. Тебе уготовано судьбой спасти наш орден, и ты со всем справишься, вот, возьми, – Франциско вытащил из-под подушки, на которой лежал, золотой ключ, протянул его Эммануэлю и шепотом сказал. – Возьми этот ключ, пусть он всегда будет у тебя, им открывается ларец, в котором храниться...

Великий Магистр замолчал и через несколько секунд умер.

«Может быть, золотой ключ, переданный мне Франциско Хименесом перед смертью, от этого ларца», – подумал Великий Магистр и отстегнул его со своего кожаного пояса (он всегда висел рядом с Главной печатью ордена), вставил ключ в замочную скважину и осторожно повернул против часовой стрелки.

Механизм щелкнул. Магистр открыл крышку и посмотрел, что внутри. Там на небольшой красной бархатной подушечке лежал серебристый кубик. Палаццо с интересом наблюдал за действиями Великого Магистра.

Эммануэль взял кубик и очень внимательно посмотрел на него. Сначала Магистру показалось, что он сделан из серебра, но серебро со временем тускнеет, а, судя по паутине, которая была на ларце, его не открывали несколько десятков лет. А этот кубик в свете факелов сиял, как будто бы его только что почистили мелом.

«Нет, это не серебро, а какой-то неизвестный мне металл», – подумал Великий Магистр и обратился к Палаццо:

– Распорядись, чтобы сегодня этот ларец доставили в Валлетту.

– Слушаюсь, мой господин, – ответил Казначей и поклонился.

Эммануэль положил кубик на бархатную подушечку и закрыл ларец. Ближе к вечеру он был доставлен во Дворец Великих Магистров в столицу Мальты Валлетту.

Де Роган заперся в Ореховом кабинете, зажег свечи, задернул плотные шторы и подошел к бюро, на котором стоял загадочный ларец. Затем открыл его золотым ключом, вынул из него бархатную подушечку с лежащим на ней серебристым кубиком. И сразу заметил под ней сложенный вчетверо пожелтевший листок пергамента. Магистр развернул его и прочитал следующее: «Тот, кто обладает этим Божественным кубом, ниспосланным нам свыше Великим Господом, сможет своей душой и плотью проникать и в прошлое, и в будущее Земли и Космоса. Для этого...»

Но дальше было не разобрать, время не пощадило слова, написанные на полуистлевшем пергаменте, последнее, что мог прочитать Великий Магистр, это была дата в конце: двадцать первое сентября одна тысяча двести шестьдесят третьего года.

– Сможет своей душой и плотью проникать и в прошлое, и в будущее, – удивленно проговорил Магистр и внимательно посмотрел на блестящий кубик, потом очень аккуратно взял его и заметил, что в центре двух граней есть небольшие овальные углубления. Он дотронулся до них большим и указательным пальцами правой руки. В этот момент куб стал светиться. Магистр отбросил его в сторону, но тот не упал, а продолжил неподвижно висеть в воздухе. Эммануэлю стало не по себе.

Потом одна из его вершин перевернулась вверх, а сам он неожиданно распался на несколько сотен маленьких светящихся пирамидок. Через несколько секунд из них сформировалась фигура, очень похожая на ленту Мебиуса, и над ней возникло голубое, полупрозрачное, прямоугольное облако, примерно метр в длину и сантиметров семьдесят в ширину. На облаке (современные люди назвали бы его голографическим экраном) сияли непонятные знаки и символы ярко красного цвета.

– Матерь Божья, спаси и сохрани, – испуганно проговорил Великий Магистр по-французский, перекрестился и попятился назад.

– Ма-терь Бо-жья, спа-си и со-хра-ни, – неестественно, как будто бы из небытия прозвучало в ореховом кабинете.

И в этот момент на облаке стали появляться и сразу исчезать странные символы и пиктограммы. Это продолжалось около минуты, наконец, все остановилось, и Эммануэль де Роган увидел на нем несколько столбцов с буквами французского алфавита.

– Это алфавит языка, на котором говоришь ты? – прозвучало в кабинете.

– Да, – с трудом ответил Магистр и вытер рукой пот со лба.

– В какую область Вселенной ты хотел бы сейчас переместиться? – кто-то почти без акцента спросил Магистра, после чего облако стало черным и на нем появилось звездное небо.

– Ни в какую, – выдавил из себя Великий Магистр.

Звездное небо сразу пропало, и появилась планета Земля, такой, какой ее уже давно привыкли видеть люди из космоса.

- В какое место на твоей планете ты хотел бы сейчас попасть, но для этого...
- Я ничего не хочу, исчезни, Дьявол.
- Как скажешь, – прозвучало в Ореховом кабинете.

Облако пропало, пирамидки опять собрались в серебристый кубик, он перестал светиться, медленно подлетел к бюро и опустился на подушечку из красного бархата.

Магистр несколько минут простоял в полной растерянности, потом подошел к бюро и хотел уже положить кубик обратно в ларец, но лишился чувств и упал на пол Орехового кабинета.

Через несколько часов он пришел в себя, услышав громкие удары в дверь. Это стучал его секретарь.

Было далеко за полночь, а Великий Магистр все не выходил из своего кабинета, это встревожило секретаря Джузеппе и он, полностью нарушив субординацию, начал громко барабанить по двери его кабинета, постоянно повторяя:

– Что случилось, мой господин? Что случилось, господин? С вами все в порядке? Почему вы не отвечаете?

Эммануэль открыл глаза, посмотрел по сторонам и понял, что он лежит на полу в своем любимом Ореховом кабинете. Великий Магистр собрался с силами и громко крикнул:

– Джузеппе, у меня все хорошо, ты свободен, можешь отдыхать.

– Слушаюсь, мой господин, – послышался голос из-за двери, потом шаги уходящего Джузеппе, и, наконец, наступила тишина.

Эммануэль встал и посмотрел на серебристый кубик. Когда он находился в беспамятстве, в его сознании возникали странные видения, ему показалось, что он видел прошлое, настоящее и будущее. Он видел странных существ, очень похожих на людей, но то, что их окружало, и то, во что они были одеты, очень сильно отличалось от того, к чему привык Великий Магистр. Эммануэль очень внимательно посмотрел на серебристый кубик, потом дрожащей рукой взял подушечку из красного бархата, на которой он лежал, положил ее в ларец, закрыл его золотым ключом, сел в кресло, закрыл лицо рукой и произнес:

– О, Боже...

Остаток ночи Великий магистр провел в Ореховом кабинете и только под утро ушел спать.

-3-

Лето две тысячи семьдесят седьмого года. Санкт-Петербург. Директор «Центра «Z» профессор Холин работал в своем кабинете, когда на голографическом экране его персонального коммуникатора появилось сообщение: «С вами хотел бы поговорить Александр Александрович Русев, профессор искусствоведения, заместитель директора «Русского Национального музея».

Русев старший и профессор Холин много лет назад учились в одной гимназии, но и после ее окончания продолжали поддерживать дружеские отношения.

Холин нажал на пиктограмму «ответ», появилось голографическое изображение Русева.

– Привет, Саша, как дела? – спросил Холин.

– Мне нужно с тобой поговорить.

– Что-то случилось?

– Да, – ответил Русев. – Ты не мог бы сегодня часам к восьми подъехать к Михайловскому замку?

– Да, конечно, ровно в восемь я буду на месте, – ответил профессор.

– Спасибо, – изображение пропало.

Около восьми Холин подъехал к Михайловскому замку. У Главных Воскресенских ворот на голографический билборд был спроецирован прижизненный портрет Императора Павла Первого и надпись на русском, китайском и английском языках: «Павел Первый в живописи», а также дата проведения: с двадцать пятого июня две тысячи семьдесят восьмого года по пятнадцатое июля две тысячи семьдесят восьмого года.

Русев стоял на каменном мостике через канал, который совсем недавно полностью восстановили. Увидев Холина, он сразу направился к нему. Они поздоровались, и после дружеских рукопожатий профессор показал на голографический портрет Императора Павла Первого и, улыбаясь, спросил:

– Ты хотел пригласить меня на выставку?

– Нет, – ответил Русев. – Идем.

По каменному мостику они миновали канал, через Главные Воскресенские ворота попали во внутренний восьмигранный двор замка и остановились в центре.

– Понимаешь, – очень озабоченно произнес Русев, – пять дней назад у меня пропал сын.

– Миша? – уточнил Холин.

– Да, Миша, но он пропал при весьма странных обстоятельствах. Со слов очевидца, местного охранника, в ночь с двадцать первого на двадцать второе июня он стоял на этом самом месте, – Русев показал указательным пальцем на брусчатку. – И исчез. В этот момент, как рассказал мне охранник, стены замка светились и были какие-то лучи. Я знаю, ты занимаешься вопросами паранормальных явлений, – после фразы: «Ты занимаешься вопросами паранормальных явлений» у Холина от удивления чуть приподнялись брови, – и я прошу тебя мне помочь.

– Ты обращался в полицию? – спросил профессор.

– Да, но боюсь, что их поиски ничего не дадут. Понимаешь, – Русев немного замялся и шепотом произнес, – над нашим родом висит проклятье...

– Что ты имеешь в виду?

– Наш далекий предок Яков Скарятин участвовал в убийстве Императора Павла Петровича, – Русев посмотрел на памятник Императору, стоящий во дворе, и продолжил. – По преданию он задушил его шарфом после того, как граф Платон Зубов ударил Павла в висок золотой табакеркой. Можешь считать меня сумасшедшим, но мне кажется, что смерть Императора и таинственное исчезновение моего сына как-то связаны между собой.

– Хорошо, я постараюсь тебе помочь, ты сказал, что кто-то видел, как пропал Михаил? – спросил профессор.

– Да, это был один из охранников замка, но полицейские не придали никакого значения его словам, – ответил Русев.

– Мои специалисты должны с ним встретиться.

– После случившегося он лечится в «Региональной клинике неврозов» на Фурштатской пятнадцать, его зовут Емельянов Виктор Васильевич, – сказал Русев.

– Хорошо.

После встречи профессор, несмотря на позднее время, вернулся в «Центр «Z», у него еще было очень много работы. Рассказ его друга об исчезновении сына не заинтересовал его. Холин был ученым и привык в своей работе основываться на фактах и только на фактах. В том, что ему поведал Русев-старший, было очень много мистики и фантазмагии, не имеющей ничего общего с реальностью. Светящиеся стены, лучи... Но профессор обещал своему другу помочь и сразу связался с Доктором наук, психиатром и профессиональным гипнотизером Львом Керном.

Утром следующего дня Лев Керн был в кабинете у Холина.

– Лев Дмитриевич, – обратился к нему профессор, когда Керн вошел в его кабинет, – у меня к вам будет небольшая частная просьба.

- Слушаю вас, Георгий Борисович.
- У одного моего хорошего приятеля пропал сын. Это произошло при весьма странных обстоятельствах, его исчезновение видел один человек, правда, он сейчас в «Региональной клинике неврозов» на Фурштатской...
- На Фурштатской? – уточнил Керн.
- Да.
- Понятно, – со знанием дела сказал Керн.
- Его зовут Емельянов Виктор Васильевич. Вы не могли бы ... – профессор немного замялся. – Выяснить, что он видел во время исчезновения сына моего друга?
- Моя лаборатория сейчас заканчивает работу над системой визуализации памяти, у нас почти все готово, и ваш «протеже» Виктор...
- Виктор Емельянов.
- Да, Виктор Емельянов, сможет стать первым, на ком мы протестируем работу нашего прибора.
- Сколько вам на это потребуется времени? – спросил Холин.
- Не более двух дней. В начале – классическая процедура с использованием гипноза, потом работа с аппаратом визуализации памяти, расшифровка сигналов коры головного мозга в интересующий нас временной период, а потом на основании полученных данных моделирование видеоряда. Вот, собственно, и все.
- Так просто?
- Профессор, если бы это было так просто, я не просил бы у вас два дня.
- Я понял, извините, доктор.

После встречи с профессором Холиным Керн отправился на Фурштатскую, на входе он предъявил свое спец. удостоверение «Центра «Z» и уже через пять минут сидел в кабинете Главного врача клиники. Лев Керн объяснил ему цель своего визита и попросил на несколько часов забрать их пациента Виктора Емельянова для проведения одного очень важного эксперимента в лаборатории «Центра», и без лишних формальностей сразу получил от него разрешение. Главный врач проводил Льва Дмитриевича в палату, где лежал Виктор Емельянов (охранник Михайловского замка, видевший исчезновение Михаила Русева). Чтобы лишний раз не волновать больного, Керн в присутствии лечащего врача ввел Емельянова в гипнотический сон. И через час специальная медицинская капсула доставила его в лабораторию Доктора Льва Керна в «Центре «Z».

Два ассистента положили Виктора на удобную водяную кровать, которая полностью повторила строение его тела. На голову надели сверхчувствительный сканер для исследования коры головного мозга, по форме он напоминал пластиковый обруч и был подключен беспроводной связью к экспериментальному аппарату визуализации. Через несколько минут в лаборатории появился и сам Лев Керн. Он внимательно посмотрел на Емельянова и очень властно произнес:

- Просыпайтесь.
- Виктор моментально открыл глаза.
- Вы меня слышите? – спросил доктор.
- Да, – абсолютно отрешенно ответил Виктор.
- Я ваш друг, – сказал доктор и добавил, – скажите: «вы мой друг»!
- Вы мой друг.
- Я хочу вам помочь, – продолжил доктор.
- Вы хотите мне помочь.

– Вы должны мне рассказать, что вы видели во внутреннем дворе Михайловского замка, вы поняли меня, Виктор?

– Да, я вас понял, – ответил Емельянов.

– Я слушаю вас.

Виктор очень подробно рассказал обо всем, что видел в ночь с двадцать первого на двадцать второе июня во внутреннем дворе Михайловского замка. И светящиеся стены, и восемь лучей, исходившие из углов, и яркую вспышку, и таинственное исчезновение Михаила Русева. Когда Емельянов закончил, Керн спросил его:

– Это все?

– Да, – все также отрешенно ответил охранник.

– Спасибо, Виктор, сейчас закройте глаза и немного отдохните, – сказал Керн, после этих слов Емельянов сразу же закрыл глаза.

– Коллеги, – обратился Керн к своим ассистентам, – вам удалось записать нейронные колебание коры головного мозга нашего пациента?

– Да, полностью, – ответил один из ассистентов. – Для создания визуальной картинки этого будет вполне достаточно.

– Спасибо, – сказал Керн и обратился к Емельянову. – Виктор, откройте глаза, – охранник открыл глаза, и Лев Дмитриевич продолжил. – То, что вы мне сейчас рассказали – это был просто сон, вы поняли меня?

– Да, я понял вас, это был сон.

– Очень хорошо, но, чтобы этот сон больше не беспокоил вас, я сотру его из вашего сознания. Когда я скажу пять, вы навсегда его забудете. Один, два, три, четыре, пять, а теперь спать.

Емельянов закрыл глаза и заснул.

Виктора опять поместили в специальную медицинскую капсулу и отправили обратно в Клинику неврозов. Работа, которую проделал с ним Лев Керн, пошла ему на пользу, и уже через два дня Емельянова выписали из клиники.

Доктор Керн и его ассистенты почти двадцать часов работали над визуализацией переноса образов, оставшихся в памяти охранника Емельянова. В результате был смоделирован видеоряд того, что видел Виктор в момент исчезновения Михаила Русева. Когда все было готово, Лев Керн сообщил об этом профессору Холину.

– Хорошо, Лев Дмитриевич, завтра в одиннадцать пятнадцать жду вас в своем рабочем кабинете, – ответил Холин.

В назначенное время Керн вошел в кабинет профессора, они поздоровались и расположились в удобных эргономичных креслах, обтянутых белой кожей. Керн вытащил из кармана пиджака небольшой блестящий прямоугольник и нажал на маленькую красную кнопку, находившуюся в его центре. Перед учеными возник голографический экран размером три на два метра.

– Можно начинать? – спросил Керн.

– Да, пожалуйста, – ответил профессор.

На экране появилось то, что Виктор Емельянов видел из своей будки у Воскресенских ворот. Вначале от стен замка стало исходить голубое свечение, потом, вероятно, Виктор вышел из своего «убежища», возникли панорама внутреннего восьмигранного двора Михайловского замка и восемь лучей, которые сходились в центре, там, где стоял Михаил, и, наконец, яркая вспышка, и Русев исчезает.

– Это все? – спросил профессор.

– Да, – ответил Керн и выключил голографический экран.

– Интересно, очень интересно, – задумчиво сказал Холин. – Но я пока не могу найти объяснения этим событиям. Лев Дмитриевич, а что вы сами по этому поводу думаете?

– Я не знаю, я занимаюсь тайнами человеческого мозга. Квантовая физика и паранормальные явления не моя специализация, – улыбнувшись, ответил доктор Керн.

– Я понял вас, Лев Дмитриевич, спасибо.

Керн положил небольшой прямоугольник на рабочий стол профессора и вышел из кабинета. Холин несколько раз просмотрел предоставленные ему материалы, но понять природу случившего в Михайловском замке в ночь на двадцать второе июня так и не смог. Он подошел к окну своего кабинета, который находился на сто пятидесятом этаже здания «Центра «Z» и посмотрел на Санкт-Петербург.

«Можно было бы начать исследование этого явления со спектрального анализа лучей, – подумал профессор, – которые были направлены на сына Саши Русева перед его исчезновением, но это ничего не даст... То, что мне предоставил Керн, за что ему, правда, большое спасибо, это не видео-фиксация научного эксперимента, а художественная реконструкция произошедшего, по сути, это кино, и больше ничего не понятно».

И здесь Холин вспомнил одну из легенд Михайловского замка, согласно которой Император Павел Петрович после того, как стал Великим Магистром Мальтийского ордена, получил от Мальтийских рыцарей Священные реликвии, среди которых был некий предмет, который мог предсказывать будущее, перемещать своего владельца во времени и пространстве. И что этот предмет до сих пор хранится в подземных секретных лабиринтах Михайловского замка.

– Стоп! – вслух произнес профессор. – А если предположить, что Михайловский замок – это временной портал, нет, даже не временной, а пространственно-временной? Ведь внутренний двор замка по воле Императора Павла имеет форму восьмигранника, а число восемь – это символ бесконечности. Если моя гипотеза верна, то, возможно, в самом центре Санкт-Петербурга уже не одну сотню лет существует «черная дыра», никем не контролируемые пространственно-временные врата, а если контролируемые, то кем? Ведь было очень много случаев, когда люди встречались в Михайловском замке с некими субстанциями, которых потом называли приведениями, а если эти субстанции использовали замок, как пространственно-временной коридор? Если это так, то сын моего друга мог случайно, а может быть, по чей-то воле попасть в этот коридор и исчезнуть. Если этому не положить конец, или хотя бы не взять под контроль, то люди с территории Михайловского замка будут пропадать и в будущем. Хотя, возможно, это происходило и раньше, просто этому не придавали никакого значения.

В конце рабочего дня профессор Холин провел экстренное совещание и проинформировал руководителей «Центра «Z» о происшествии в Михайловском замке, продемонстрировал материалы, подготовленные Доктором Керном, и поделился своей гипотезой относительно пространственно-временного портала в замке.

По итогам совещания было принято решение: вначале, используя метод томографической геолокации тщательно просканировать пространство под Михайловским замком и прилегающую к нему территорию, ограниченную руслами рек Мойки, Фонтанки, а также Садовой и Инженерной улицами.

После томографического сканирования (его проводили с помощью летающего дрона с высоты триста пятьдесят метров) было установлено, что под внутренним двором Михайловского замка на глубине двадцати пяти метров находится не заполненное грунтом пространство в форме восьмиугольника, почти полностью повторяющее размеры двора. Специалисты, проводившие исследование, предположили, что это «Восьмигранный зал» высотой примерно шесть метров, потолок которого поддерживают восемь массивных колонн. Также были обнаружены фрагменты подземных ходов. Один из них шел к Инженерной улице – к заданию Кордегардии; второй – на противоположный берег Фонтанки; третий – к сооружению, которое к

концу двадцать первого века, к сожалению, не сохранилось. С помощью сотрудников Русского музея были предприняты попытки найти вход из замка в таинственный подземный восьмигранник, но они, к сожалению, не увенчались успехом.

После окончания исследования руководители «Центра» собрались у Холина на совещании. Когда все были в сборе, к собравшимся обратился профессор:

– Уважаемые коллеги, – начал он, – вчера наша мобильная экспертная группа закончила томографическое сканирование Михайловского замка и пространства рядом с ним. И вот какие результаты были получены, – профессор включил голографический экран, на котором появился топографический план Михайловского замка и прилегающих к нему территорий. – Вот здесь, – Холин включил лазерную указку и показал на центральную часть двора замка, – на глубине двадцати пяти метров обнаружено огромное полое пространство, сопоставимое по своим размерам с размерами внутреннего двора замка, – на голографическом экране появилась объемная компьютерная модель «Восьмигранного зала». – Помимо этого обнаружены фрагменты подземных ходов, идущих от замка, – профессор лазерной указкой показал их на плане. – Правда, от времени они пришли в полную негодность и не представляют для нас никакого интереса.

Затем профессор рассказал руководителям «Центра «Z» о технических особенностях исследования Михайловского замка, после чего началось активное обсуждение.

Поступило предложение незамедлительно начать в центральной части двора Михайловского замка археологические раскопки. Но оно было отвергнуто профессором Холиным, он это мотивировал тем, что если его гипотеза верна, и пространственно-временной портал в замке существует, то воздействие на него извне может разрушить существующую энергетику «Восьмигранного зала», но не приведет к разгадке его тайны.

Также было предложено телепортировать в подземный «Восьмигранный зал» одного из опытных сталкеров, технически это было совсем несложно, но и это было отвергнуто.

– Даже если мы туда и отправим нашего сталкера, – сказал на это Начальник службы безопасности «Центра» генерал Бочаров, – то он не сможет провести там никакие исследования, ведь у него не будет с собой никаких технических средств, виноват, даже фонарика.

Дискуссия могла продолжаться и дальше, но слово взял Директор «Центра «Z» профессор Холин:

– Коллеги, мне кажется, что для решения возникшей проблемы спасения исчезнувшего человека, мы должны отправить нашего сталкера именно во время строительства замка. Уверен, ему удастся проникнуть в «Восьмигранный зал» и раскрыть его тайну.

-4-

Декабрь одна тысяча восемьсот сорок пятого года, поздний вечер, небольшое селение в окрестностях Иркутска.

Маленькому восьмилетнему Ваньке надоело слушать завывание вьюги и смотреть на горящую лучину, и он решил залезть на русскую печь к своему деду Василию Петровичу. Устроившись, Ванька аккуратно толкнул своего деда в бок и тихо сказал:

– Деда, а, деда, расскажи про Императора Павла из Петербурха.

– Ванька, я тебе уже сотню раз об этом рассказывал, – недовольно ответил дед Василий.

– Ну, расскажи еще разок, ну, пожалуйста...

– Отстань, я спать хочу.

– Ну, деда, пожалуйста, – снова попросил мальчонка, и опять легонько ткнул деда в бок.

– Ладно, слушай, раз не надоело, – наконец-то произнес дед. – Это было очень давно, аш сорок пять годков назад, я был тогда молодым, сильным и здоровым. Про таких, как я, говорили: «косая сажень в плечах». Мне только что исполнилось семнадцать. Правил тогда

нашей Державой Император Павел Петрович Первый, Царствие ему Небесное, – старик замолчал, немного приподнялся на локтях, посмотрел на икону угодника Павла, висевшую в углу, и перекрестился. – Так вот, – продолжил дед Василий, – забрали меня рекрутом в войско, да не просто в войско, а в гвардейский полк, стоящий на Царской службе в самом Санкт-Петербурге. Я и еще тридцать солдат охраняли строящийся дворец, чтобы лиходеи ничего лишнего не унесли. И раз ночью, а дело летом было, а ночей летом в нашей столице не бывало, всегда светло, как днем. И вот стою я в карауле во дворе дворца, охраняю, его почти построили, но не до конца. И вдруг вижу – из Главных Воскресенских ворот выходит сам Император Павел Петрович Первый, а с ним два генерала поспешают, и еще какие-то люди, но сразу видно, что люди важные, государственные.

– Сам Император? – удивленно спросил Ванька.

– Сам! Я как увидел его, так чувств чуть и не лишился. А он идет себе, что-то генералу говорит и смеется. Человек Павел Петрович был хороший, простых людей не обижал, а барчуков ненавидел, вот поэтому и умер раньше времени. Подошел ко мне, своей тростью в мой мундир легонько ткнул и говорит: «Солдат, ты кто таков?» Я молчу, я на часах, а на часах даже Господу Богу отвечать не положено. Он опять: «Кто таков?» Я молчу. И здесь Павел Петрович похлопал меня по плечу и сказал: «Молодец». И вдруг приказывает генералу, что рядом с ним: «Этого молодца в капралы и туда». И показал своим жезлом на камни, которыми двор уже успели выложить. Мне не по себе стало, неужто меня в землю живьем закапывать станут. А Император продолжает: «Всему научить и к утру новый мундир из лучшего сукна пошить». Генерал головой кивнул и ответил: «Слушаюсь, будет исполнено, Государь». Смотрю, а ко мне уже караульный начальник с моим сменщиком бегут, начальник красный, перепуганный. И тут же сняли меня с «часов» и отвели в Кордегардию, там Главные Царские караулы расквартированы были. К утру у меня, действительно, был новый мундир капрала, как и приказал Император, пошитый из лучшего сукна. А вечером в мою новую казарму явился офицер и громко крикнул: «Капрал Василий Мохов, сын Петра, здесь?» «Здесь», – робко ответил я. «Ступай за мной», – приказал тот. Мы направились ко дворцу, пройдя Воскресенские ворота, вошли во двор и через Парадный вход попали внутрь, там я был в первый раз. Прошли несколько больших залов, везде работники и подмастерья трудились, и, как помню, известью пахло. Наконец вошли в небольшую комнату, в ней все чисто было, пол блестит, паркетом называется, на стенах картины какие-то, кресла у стен. И камин напротив окна, это печка такая хитрая, английская. Офицер приказал мне тряпичкой, что у входа лежала, подошвы сапог начисто вытереть, а сам к камину подошел и что-то там с ним сделал, и он сразу в сторону отъехал, а под ним лестница каменная, винтом вниз идущая. Офицер зажег свечу, и мы стали спускаться. Я думал, что в подвал идем, но ошибся, вскоре мы очутились в огромном подземном зале с колоннами, на которых горели факелы. Я осмотрелся, стены мрамором и золотом украшены, а в центре пьедестал, на нем небольшой ларец, и рядом четыре капрала с ружьями. И офицер говорит мне: «Вот, Василий Мохов, сын Петра, служить теперь Отчизне здесь будешь и охранять сею шкапулку от врагов наших». И прослужил я так почти девять месяцев. А накануне своей смерти Павел Петрович, Царствие ему небесное, – сказал старик, чуть приподнялся и снова перекрестился, – приказал построить весь наш караул во внутреннем дворе замка. Всех, и капралов, и офицеров, поблагодарил за службу, приказал выдать денежную премию и отправил нас на Урал. А потом уже сюда, в Сибирь, в Иркутск дослуживать отправили. Вот такие дела, Ванька, – продолжил Василий Петрович и посмотрел на внука, который уже давно мирно спал.

– Заговорил я тебя, дитячко мое, – почти шепотом сказал дед и погладил внука по голове.

Великий Магистр Мальтийского ордена Эммануэль де Роган шесть дней не входил в Ореховый кабинет, а работал все это время в Зале Аудиенций, чем очень сильно удивил и озадачил своего секретаря Джузеппе. Ему приходилось каждые полтора часа вставать со своего места, подниматься на второй этаж, проходить по длинной анфиладе залов, потом стучаться в Зал Аудиенций и спрашивать Великого Магистра, не будет ли от него каких-нибудь поручений (как правило, их не было), и возвращаться обратно в приемную рядом с Ореховым кабинетом. Бесконечное хождение по дворцу порядком надоело Джузеппе, но это была воля Великого Магистра, а ее надо было выполнять.

Наконец-то на седьмой день Великий Магистр решился войти в Ореховый кабинет, чтобы еще раз прикоснуться к загадочному серебряному кубуку. После полудня он отпустил своего секретаря, но сам пока остался в Зале Аудиенций и в полном одиночестве несколько часов читал вслух молитвы. Когда часы на башне Городской Ратуши Валлетты пробили одиннадцать вечера, Великий Магистр закрыл большой старинный молитвенник серебряными защелками и отложил его в сторону, затем вышел из Зала Аудиенций, прошел по анфиладе, спустился на первый этаж и через пару минут оказался у дверей своего любимого Орехового кабинета.

Эммануэль какое-то время простоял в нерешительности, наконец, нажал вниз медную ручку, открыл дверь и вошел. Магистр посмотрел по сторонам, все было на своих местах так же, как и шесть дней назад. Только на бюро, где стоял загадочный ларец, за это время образовался небольшой слой пыли. Эммануэль запретил кому-либо под любым предлогом входить в Ореховый кабинет.

Великий Магистр закрыл изнутри дверь на ключ, зажег свечу, задернул плотные шторы на окнах, подошел к бюро и на его поверхности нарисовал Мальтийский крест таким образом, что ларец был в центре, и от него отходили четыре треугольных луча. Негромко прочитал небольшую молитву, перекрестился и открыл ларец, очень долго смотрел на серебряный кубик, и, наконец, взял его и дотронулся большим и указательным пальцами правой руки до небольших углублений, которые были в центре его двух граней. Кубик сразу начал светиться, но Магистр не отбросил его в сторону, как это было в первый раз, а просто отпустил, и тот продолжил парить в воздухе. Потом одна из его вершин перевернулась вверх, а сам он распался на несколько сотен маленьких светящихся пирамидок. Через несколько секунд из них сформировалась фигура, очень похожая на ленту Мебиуса, и над ней появилось голубое, полупрозрачное, прямоугольное облако, на котором стали появляться красные буквы французского алфавита, и через несколько секунд Великий Магистр прочел: «В прошлый раз я немного напугал тебя, ты не будешь против, если я приму привычный для тебя вид».

Эммануэль молчал. «Ты не понял мой вопрос?» – появилось на облаке.

– Понял, – через паузу выдал из себя Эммануэль. – Делай, что хочешь.

– Спасибо, – тихо прозвучало из облака.

Нечто в форме ленты Мебиуса опустилось на пол Орехового кабинета, и над ней возникла полупрозрачная фигура в белом плаще рыцаря Мальтийского ордена с красным крестом на спине, лица не было видно, его закрывал опущенный на голову капюшон.

– Куда бы ты хотел попасть или что бы хотел увидеть, – спросила фигура

Возникла очень длинная пауза, Великий Магистр никак не мог перебороть свой страх и, наконец, дрожащим голосом произнес:

– Я хотел бы узнать, что будет с Мальтийским орденом через год после моей смерти.

Рядом с фигурой в белом плаще возникло небольшое полупрозрачное облако, и Эммануэль увидел на нем то, что привело его в ужас. Когда Магистр уже не в силах был смотреть, он со слезами на глазах прошептал:

– Как посмели эти французы совершить такое святотатство?

– После того, как они казнили своего Короля, – на облаке появилась картинка казни Людовика Шестнадцатого, – у них нет ничего святого.

Когда Великий Магистр увидел отрубленную голову Людовика, поднятую палачом над толпой людей, а те в диком восторге кричали: «Виват, да здравствует Свобода!» – Эммануэль произнес:

– Довольно.

Облако пропало, пирамидки опять собрались в серебристый кубик, он перестал светиться, медленно подлетел к бюро и опустился в ларец на подушечку из красного бархата.

Великий Магистр упал в кресло, стоящее рядом, и попытался осмыслить все, что он только что увидел.

Толпы французских солдат на улицах Валлетты, они сбивают с домов Священные Мальтийские кресты. Разграбленный Дворец Великих Магистров, его любимый Ореховый кабинет превращен в место свиданий французских офицеров с портовыми девками. Пьяные солдаты, не понимающие, что творят, тащат волоком из Собора Святого Иоанна серебряные статуи Двенадцати Апостолов и бросают их как хлам на телеги...

– Будущее ордена и мира ужасно... – отрешенно проговорил Великий Магистр, закрыл глаза и нервно помассировал лоб левой рукой. – Надо искать защиты, но у кого, – продолжил он. – Французская корона падет. Англичан я ненавижу, они один раз уже казнили своего Короля, Австрия слишком слаба и непостоянна. А если попросить помощь у России? Да, это далекая северная и дикая страна, но за последнее время она очень сильно окрепла. Выиграла несколько войн у Шведского Королевства, ведет войну с турками, нашими заклятыми врагами, и вот-вот присоединит к своей Империи Крымский полуостров. И после раздела Польши получила большие территории Речи Посполитой...

Великий Магистр вспомнил, что его секретарь Джузеппе говорил ему, что Наследник Русского Престола Павел или, как его называют – «Русский Гамлет» – под вымышленным именем Графа Северного вместе с супругой путешествует по Европе, и сейчас он остановился в Риме и ждет аудиенции у Папы Римского.

«А если попросить нашего Консула в Риме Джулио Литто, чтобы он познакомился с будущим Императором, – подумал Великий Магистр, – и пригласил бы сюда, на Мальту».

У Эммануэля заблестели глаза, он быстро встал, подошел к бюро и уже почти без боязни взял серебристый кубик. Через несколько секунд перед ним появилась полупрозрачная фигура в белом плаще Мальтийского рыцаря.

– Я хотел бы узнать, когда Императором далекой России станет сын ныне царствующей Императрицы Екатерины Второй Павел? – спросил Магистр.

– В ноябре одна тысяча семьсот девяносто шестого года, – ответила фигура. – Он окажет ордену большие почести и даже станет Великим Магистром.

– Благодарю.

Утром следующего дня Великий Магистр попросил своего секретаря пригласить к нему рыцаря Эрика де Марко, и через полчаса тот уже был в кабинете.

– Мой верный рыцарь, Эрик де Марко, – очень торжественно начал Эммануэль, – тебе поручается очень важная и ответственная миссия. Ты должен отплыть в Италию и как можно быстрее добраться до Рима, и передать нашему консулу Джулио Литто вот эту депешу, – Великий Магистр показал на опечатанный сургучом конверт, лежавший на бюро. – Если в дороге у тебя возникнут непредвиденные обстоятельства, ты обязан уничтожить письмо. То, что написано здесь, не должны узнать ни наши друзья, ни наши враги. Ты понял меня?

– Да, – ответил Эрик де Марко.

В письме было следующее: «Вчера ночью мне было видение, – Великий Магистр не стал уточнять природу его происхождения. – Через несколько лет Французский Король потеряет

свою корону вместе с головой. Франция упадет в пропасть. Потом явится некто, он возьмет всю полноту власти, и в Европе начнутся бесконечные войны. Они не обойдут и нас. Французы разграбят наш Священный остров и уничтожат все, что могло бы напоминать потомкам о нашем ордене. Но нас защитит Спаситель с Севера, будущий Император далекой России – Павел. Мне известно, что он сейчас в Риме. Прошу тебя познакомиться с ним, расположи его к себе, я знаю, ты умеешь это хорошо делать, пригласи посетить Мальту и подари ему перстень Первого Великого Магистра ордена Пьера де Обюсьена. Великий Магистр Мальтийского ордена Эммануэль де Роган».

– Кроме депеши ты должен передать нашему Консулу вот это, – Магистр достал из одного из ящичков бюро небольшую золотую шкатулку, украшенную драгоценными камнями, в ней находился перстень Первого Великого Магистра Ордена Пьера де Обюсьена. – А теперь ступай, и пусть тебе сопутствует удача.

Рыцарь приклонил перед Магистром колени и поцеловал ему руку, Эммануэль перекрестил его.

Эрик де Марко без особых приключений добрался до Рима, правда, если не считать чудовищного шторма, который чуть не погубил корабль, на котором рыцарь плыл в Италию.

Консул ордена в Риме, прочитав адресованное ему письмо, некоторое время пребывал в небольшом замешательстве, узнав о скорой гибели Французского Королевства, Короля Франции и о будущей войне в Европе.

«Но это будет еще не скоро, – подумал Джулио. – Как пишет Великий Магистр, через несколько лет, надеюсь, за это время мы сумеем подготовиться к этим кровавым событиям. А пока я должен просто познакомиться с будущим Российским Императором и, как просит Эммануэль, расположить его к себе. Наследнику двадцать шесть лет, он еще молод, но, говорят, что очень умен, обходителен и начитан. Но наверняка он, как и любой Принц, мечтает поскорее занять место своего отца или матери. А если в его честь устроить бал? И оказать ему почести не как Наследнику и тем более не как Графу, за которого он себя выдает, а как Императору? Мысль хорошая, но как к этому отнесется его мать, Царица Екатерина, уверен, что кроме слуг в путешествии по Европе его сопровождают и шпионы. А если просто устроить бал-маскарад, Новый Папа Пий Шестой перенес Римский карнавал на осень, в Риме скучно, уверен, что все приглашенные его обязательно посетят, но их будет немного, не более семидесяти человек. Правда, где я возьму на это деньги?»

Консул на минуту задумался, посмотрел на свои руки и снял с указательного пальца правой руки большой золотой перстень с огромным рубином.

– Надеюсь, этого будет достаточно, – с грустью в голосе проговорил Консул.

-6-

Павел Петрович и его вторая супруга Мария Федоровна позавтракали, допили кофе и уже собирались покинуть небольшой, уютный зал снятой ими в центре Рима виллы, как в нем появился одетый в штатское платье поручик Семеновского полка Владимир Аркадин. В руках он держал серебряный поднос, на котором лежал запечатанный сургучом конверт.

– Ваше Императорское высочество, вам письмо, – сказал поручик, поставил поднос на край стола рядом с Павлом и вышел.

Павел Петрович взял конверт, распечатал его и очень быстро прочитал письмо, написанное по-французски.

– Голубушка Мария Федоровна, – обратился будущий Император к супруге, – нас приглашают во Дворец Консула Мальтийского ордена на маскарад.

– На маскарад? – удивленно произнесла Мария Федоровна.

– Да, прочти сама, – сказал Павел и протянул ей листок.

Мария Федоровна тоже очень быстро прочитала письмо и немного грустно произнесла:

– Жаль, что у нас нет маскарадных костюмов, я бы с большой радостью повеселилась бы на этом маскараде.

– Почему нет? – улыбнулся Павел Петрович. – Я, ты и наши слуги, путешествуя по Европе, уже давно участвуем в маскараде, придуманном моей матушкой, я здесь не как Наследник Российского престола, а просто Граф Северный, а ты просто Графиня. Поэтому если мы отправимся на этот маскарад в наших обычных платьях, в этом не будет ничего удивительного, а умные люди все поймут.

– А что на это скажет поручик Аркадин? – спросила Мария Федоровна.

– Поручик Аркадин? Этот шпион, приставленный, чтобы следить за нами. Мне все равно, что он по этому поводу отпишет в Петербург. Уверен, – Павел Петрович показал на вскрытый конверт, – он уже ознакомился с содержанием этого письма. В конце концов, у нас действительно нет маскарадных костюмов. А в Риме в это время страшная скука. После аудиенции с Папой, к которой я очень долго готовился, я не знаю, чем заняться. Во Францию мы отъезжаем лишь через семь дней. Я думаю, это прекрасный повод немного повеселиться. Ты согласна со мной, душа моя?

– Согласна, – ответила Мария Федоровна.

Веселье во дворце Мальтийского Консула уже было в полном разгаре, когда Мажордом церемониальным жезлом ударил в пол и громко произнес:

– Граф и Графиня Северные!

Это вызвало всеобщее недоумение: как правило, на маскарадах не представляли гостей, пропадала интрига. После представления Мажордома возникло небольшое замешательство. Все приглашенные притихли и подошли к дверям, через которые была хорошо видна белая мраморная лестница, по которой должны были подняться на второй этаж вновь прибывшие гости.

Павел Петрович и Мария Федоровна стали медленно подниматься вверх, ловя на себе любопытные взгляды людей, одетых в маскарадные костюмы и маски.

Заметив эту неловкость и посчитав, что с таким пристрастием рассматривать новых гостей из загадочной России не совсем этично (тем более на Павле Петровиче и Марии Федоровне были одеты обычные, а не маскарадные платья, и только маленькие черные маски чуть прикрывали их лица), Мажордом опять стукнул церемониальным жезлом и громко произнес:

– Синьоры и Сеньориты, прошу всех в зал. Я объявляю «Игру в фанты».

Гости направились в зал играть в фанты, а будущий Император и Императрица поднялись на второй этаж. Когда они оказались наверху, к ним сразу же подошел Консул Мальтийского ордена Джулио Литта. На нем был красный маскарадный плащ, а лицо закрывала красная маска средневекового доктора с длинным чумным носом. Подойдя к Павлу Петровичу, он сразу снял маску, учтиво поклонился и произнес по-французски:

– Сир, я рад вас приветствовать в своем скромном жилище.

Консул специально назвал Павла «Сир» – Король, тем самым пытаясь подчеркнуть его очень высокий статус и расположить к себе.

Услышав обращение «Сир», Павел Петрович улыбнулся и одобрительно кивнул. Граф и Графиня Северные прошептались в зал и присоединились к общему веселью.

Когда маскарад подходил к концу, Джулио подошел к Павлу и предложил ему пройти на террасу своего небольшого дворца, чтобы полюбоваться видами вечернего Рима. Будущий Император с радостью принял предложение Консула, и они уединились на открытом воздухе. Джулио начал показывать достопримечательности Рима, которые были видны с террасы, и незаметно перешел к рассказу об истории Мальтийского ордена и о героических подвигах, совершенных его рыцарями. Павел Петрович с самого детства грезил рыцарством, восхищаясь смелостью и благородством этих людей, и в отрочестве перечитал почти все рыцарские романы, которые были в дворцовой библиотеке. Поэтому с большим интересом слушал Консула. Потом они перешли к вопросам Европейской политики.

В завершении беседы Джулио сказал, что он и Великий Магистр Мальтийского ордена Эммануэль де Роган надеются найти в лице России надежного союзника, и, как залог их будущей дружбы, преподнес Павлу Петровичу золотую шкатулку с перстнем Первого Великого Магистра Мальтийского ордена Пьера де Обюсьена.

Павел Петрович был очень растроган, с трепетом принял этот подарок и заверил Консула в будущем Священном союзе между Россией и Мальтийским орденом, но посетить остров пока отказался.

Через два дня Граф и Графиня Северные отправились во Францию, а Эрик де Марко – на Мальту с письмом Римского Консула к Великому Магистру, и через два дня он был уже на месте.

В послании было следующее: «... Я выполнил твою просьбу и познакомился с Наследником русского престола Павлом. Надеюсь, мне удалось расположить его к себе и к Священному делу нашего ордена. Павел произвел на меня очень хорошее впечатление, он умен, образован, знает европейские языки, воспитан, как и подобает будущему Монарху. Несмотря на свою молодость, он уже имеет свое суждение о будущем европейской политики. Твой подарок, перстень Первого Магистра нашего ордена Пьера де Обюсьена, он принял с трепетом и даже чуть не прослезился. Павел дал мне понять, что он будет всячески поддерживать дружбу ордена и России».

Эммануэль положил прочитанное письмо, полученное из Рима, на краешек бюро и тихо проговорил:

– Похоже, начало положено.

-7-

После того, как Руководители «Центра «Z» согласились с предложением профессора Холина для разгадки тайны Михайловского замка и спасения Русева младшего в конце восемнадцатого века отправить сталкера, необходимо было решить еще одну проблему – назначить дату телепортации, от этого во многом зависел успех будущей миссии. Для этого было собрано еще одно совещание, в конце которого профессор Холин сказал:

– Коллеги, благодарю вас за проделанную работу, точную дату телепортации я сообщу вам завтра.

Когда все разошлись, профессор устроился в удобном кожаном кресле, просмотрел всю доступную информацию о строительстве и проектировании Михайловского замка и погрузился в размышления: «Итак, замок стоили четыре года, его заложили в тысяча семьсот девяносто седьмом году, а закончили весной тысяча восемьсот первого года, несчастный Император Павел Первый прожил в нем всего лишь сорок дней и был убит заговорщиками. Работы над проектом начались еще в одна тысяча семьсот восемьдесят четвертом году, когда будущий Император был еще Великим Князем, Павлу принадлежат и первые эскизы его планировки. В ноябре тысяча восьмисотого замок был освящен, но отделочные работы продолжались. Скорее всего, подземный «Восьмигранный зал» под внутренним двором замка начали строить одно-

временно с фундаментом. И не исключено, что к лету тысяча восьмисотого года он был уже полностью готов, а если мое предположение верно, и это действительно портал времени, то вероятно уже и испытан. Михаил Русев пропал с двадцать первого на двадцать второе июня, в самую короткую ночь в году, когда портал неожиданно заработал. А если отправить нашего сталкера (скорее всего им будет Максим, у него уже был опыт общения с Императорскими особами) в июнь тысяча восьмисотого года? Да, пожалуй, это будет оптимальная временная точка для телепортации».

Максим отдыхал в своем небольшом домике на берегу Финского залива. Наступил вечер, он поужинал, допил кофе, приготовленный домашним роботом Хосе, устроился в удобном кресле и включил голографический экран. Ему предстояла очередная командировка во времена эпохи «Возрождения», и он, чтобы погрузиться в атмосферу той эпохи (хотя для выполнения порученной ему миссии это ничего не давало), решил посмотреть на репродукции картин, написанных в то время.

– Леонардо да Винчи, – громко сказал Максим, – на экран, репродукции.

На экране появилась «Мона Лиза», потом «Дама с горностаем». И в этот момент на небольшом устройстве, которое было прикреплено к стене комнаты загорелась маленькая зеленая точка, и вскоре появилось голографическое изображение Директора «Центра» профессора Холина.

– Добрый вечер, Максим, – сказал профессор.

– Добрый вечер, Георгий Борисович.

– Прошу прощения, что побеспокоил вас в столь поздний час, – сказал профессор.

– Пустяки.

– Максим, завтра в десять утра жду вас у себя.

– Хорошо, – ответил Максим.

Голограмма пропала.

На следующий день ровно в десять Максим вошел в кабинет профессора.

– Доброе утро Максим, очень рад вас видеть, – сказал Холин. – Присаживайтесь.

– Спасибо, – сказал Максим и сел в удобное кожаное кресло, оно моментально просканировало все параметры его тела и приняло наиболее удобную форму.

– Я знаю, что сейчас вы готовитесь к экспедиции в эпоху «Возрождения»? – спросил Холин.

– Да, – ответил Максим.

– Леонардо, Микеланджело, Рафаэль, безусловно, это все очень интересно, но эту экспедицию пока придется отложить.

– Почему?

– У нас возникла небольшая проблема, я не буду вам ничего говорить, посмотрите сами, а потом я все прокомментирую.

Холин включил голографический экран, на нем появилась запись визуализации образов, оставшихся в памяти охранника Емельянова в момент исчезновения Михаила Русева, смоделированная Львом Керном и его ассистентами. После просмотра профессор спросил Максима:

– Что вы по этому поводу думаете?

Максим на несколько секунд задумался, пытаясь проанализировать увиденное: светящиеся стены Михайловского замка, лучи, сходящиеся в центре двора, неожиданное исчезновение человека и, наконец, произнес:

– Мне кажется, что этот человек, – Максим имел в виду Михаила Русева, – попал в дыру времени. Я очень хорошо помню ваши лекции в «Школе сталкеров», на одной из них вы говорили, что на планете существуют аномальные зоны, через которые из одного пространственно-временного измерения можно попасть в другое.

– Вы были прилежным студентом, Максим, если так хорошо запомнили эту мою лекцию, – улыбнулся профессор. – Да, такие зоны существуют, но их природа, к сожалению, до сих пор не изучена. Но мне кажется, то, что произошло в Михайловском замке в ночь с двадцать первого на двадцать второе июня, не природная аномалия, а творение рук человеческих. Я высказал гипотезу, что на территории замка под землей в конце восемнадцатого века было построено нечто, что может работать, как портал времени. Мы провели томографическое сканирование Михайловского замка и пространства рядом с ним. И вот, что было обнаружено.

Перед Максимом появилась голографическая модель огромного «Восьмигранного зала», который был обнаружен под внутренним двором замка.

– К сожалению, – продолжил профессор, – найти вход в это помещение нам не удалось, а провести археологические раскопки не представляется возможным, они могут разрушить структуру этого сооружения, и тогда, как оно работает – мы так и не узнаем. Мне кажется, разгадать тайну замка должен сталкер, который будет телепортирован в одна тысяча восьмисотый год, в то время, когда строительство Михайловского замка было почти закончено...

– Насколько я понимаю, эта миссия будет возложена на меня? – Максим перебил профессора.

– Да, Максим, на вас. Вам уже приходилось иметь дело с Императорскими особами, и вы с этим блестяще справились, – сказал профессор и улыбнулся.

– Спасибо, – сказал Максим и смущенно опустил глаза.

– Перед вами будут поставлены две задачи: первая – проникнуть в это подземное помещение под внутренним двором замка, – профессор лазерной указкой показал на голографическую модель восьмигранника. – И, если моя гипотеза верна, и это действительно портал времени, выяснить, как он работает. И вторая – попытаться найти следы человека, исчезнувшего в ночь с двадцать первого на двадцать второе июня, – перед Максимом появилось голографическое изображение Михаила Русева. – Внимательно посмотрите на него, именно его вам и придется отыскать. Запомнили?

– Да, конечно, – ответил Максим.

– Я уверен, что решение первой задачи позволит вам без проблем решить и вторую. Вам понятно задание?

– Да, понятно, – ответил Максим.

– Когда вы сможете приступить к подготовке? – спросил профессор.

– Я думаю, длительная подготовка не потребуется, я практически готов. Единственное, с начала восемнадцатого века, со времени Петра Первого, где я уже побывал, за сто лет в русском разговорном языке произошли небольшие изменения, но я думаю, что с помощью профессора лингвистики Громова с этой проблемой я смогу справиться максимум за пять дней.

– То есть, через семь дней вы точно будете готовы телепортироваться в тысяча восьмисотый год? – спросил профессор.

– Да, – уверенно ответил Максим.

Через шесть дней аттестационная комиссия подтвердила готовность Максима к телепортации в начало девятнадцатого века, и утром следующего дня он уже был в Стартовом комплексе. Его, как всегда, встретил инженер Томский, они прошли в бокс, там Максим мог переодеться. Инженер выдал ему одноразовый черный, эластично прилегающий к телу костюм, и вышел. Максим разделся, повесил свою униформу в шкафчик, надел одноразовый костюм, нажал на кнопку переговорного устройства и сказал:

– Я готов.

Через минуту вошел Томский.

– Пошли – сказал он.

Они вышли из бокса и направились к «машине времени». У подъемника, который должен был поднять Томского и Максима на площадку у центральной оси, стоял профессор медицины Вершинин. Маленьким приборчиком он просканировал Максима от ступней до головы.

– Все в норме, – сказал профессор и направился в «Центр управления стартом». Там уже ждали генерал Бочаров, профессор лингвистики Громов и профессор Холин, техники и инженеры.

Томский и Максим на подъемнике добрались до площадки, где их ждал еще один подъемник, с его помощью они поднялись до середины оси, до места, где находился серебряный обруч диаметром почти два метра. В нем Томский тросиками зафиксировал руки и ноги Максима, потом проделал обратный путь и направился в «Центр управления стартом».

– Максим, – по трансляции из «Центра управления» сказал профессор Холин. – До временного старта осталось десять минут. Я запускаю внешнюю раму времени.

– Понял вас, запускаете внешнюю раму времени, – ответил Максим.

Внешняя рама времени начала медленно вращаться вокруг своей оси. Через десять минут она достигла необходимой временной скорости.

– Максим, временная рама достигла заданной скорости вращения, мы запускаем внутреннюю раму, – сказал по трансляции профессор Холин.

– Понял вас, запускаете внутреннюю раму, – ответил Максим.

Внутренняя рама достигла расчетной скорости, после ее запуска прошло четыре минуты пятьдесят семь секунд, раз, два, три... Тело Макса попало в коридор времени.

-8-

Узнав о разграблении Мальты войсками Наполеона и казни Французского Короля Людовика Шестнадцатого, Великий Магистр полностью уверовал в божественную силу маленького серебряного кубика, обладателем которого он стал. Но его не покидало непреодолимое желание, используя его возможности, увидеть Спасителя, того, кому он посвятил почти всю свою жизнь, упасть перед ним на колени, поцеловать его руку и попросить благословения. И хотя на дворе стояла вторая половина восемнадцатого века, Великий Магистр боялся, что за это его могут обвинить в ереси и колдовстве. Но после долгих сомнений он все-таки решился исполнить задуманное.

Поздно вечером он отпустил своего секретаря Джузеппе, заперся в Ореховом кабинете, зажег свечи и задернул плотные шторы на окнах, затем достал из ларца серебряный кубик и проделал с ним те же манипуляции, что и раньше. Через несколько секунд перед ним возникла полупрозрачная фигура в белом плаще рыцаря Мальтийского ордена с красным крестом на спине.

Эммануэль набрался смелости и обратился к фантому:

– Ты говорил, что можешь перемещать душу и плоть своего владельца и в прошлое, и в будущее?

– Да.

– Возможно, это и грех... – Великий Магистр мучительно подбирал слова и после небольшой паузы продолжил. – Я хотел бы увидеть Спасителя, встать перед ним на колени, поцеловать ему руку и получить благословение.

– Ты хочешь попасть в Святой город и увидеть Христа? – спросила полупрозрачная фигура в белом плаще.

– Да, – с замиранием сердца ответил Эммануэль.

– Конечно, это возможно, он и сам иногда прибегал к моей помощи, но ты человек, рожденный на Земле, а не посланец с другой планеты. И для перемещения твоего духа и плоти ты должен попасть в «Восьмигранный Зал Вечности», он находится под Сокровищницей вашего ордена в форте Святого Ангела. «Зал Вечности» вырубил в скале по приказу Первого Великого Магистра Пьера де Обюсьена. Там же должны храниться и точные чертежи этого зала.

Фигура подошла к бюро, взяла гусяное перо, обмакнула его в чернильнице и стала что-то писать на листке бумаги, через несколько секунд произнесла своим странным голосом:

– Здесь то, что ты должен сделать. Когда будешь на месте, пригласи меня.

Фантом пропал, пирамидки опять собрались в серебристый кубик, и он плавно опустился на подушечку из красного бархата, лежащую рядом с ларцом.

Великий Магистр подошел к бюро и посмотрел на листок, на нем каллиграфическим почерком было написано:

– В Сокровищнице ты откроешь золотую шкатулку, в которой хранятся Священные кресты Великих Магистров ордена. Возьмешь крест Первого Великого Магистра Пьера де Обюсьена, подойдешь к противоположной от входа стене и увидишь на ней небольшое углубление, оно полностью повторяет форму креста Первого Великого Магистра, вставишь в нее крест, откроется потайная дверь, за ней будет вторая винтовая лестница, ведущая вниз. Ты спустишься и попадешь в «Восьмигранный Зал Вечности», зажжешь на колоннах все факелы и увидишь в центре площадку из белого мрамора с большим золотым Мальтийским крестом посередине, встанешь на нее и пригласишь меня.

Великий Магистр дважды перечитал текст, потом отошел в сторону, сел в кресло и начал размышлять вслух:

– «Восьмигранный Зал Вечности» ... А может быть, все-таки не стоит больше испытывать судьбу и вернуть ларец в Сокровищницу? – Магистр посмотрел на серебристый кубик, лежащий на подушечке из красного бархата. – Но я хотел увидеть Спасителя, и в этом нет ничего греховного. Возможно, он откроет мне тайну, которая пока неизвестна людям. Вот только идти в этот «Зал Вечности» я должен не один, вот только с кем? А если это будет Казначей Палаццо, тем более что ключи от Сокровищницы хранятся только у него. Но сначала я должен взять с него Священную клятву, что он не расскажет никому то, что он увидит в «Восьмигранном зале Вечности».

Утром Эммануэль вызвал к себе секретаря Джузеппе и сказал:

– Немедленно разыщи Казначей Палаццо и передай, что сегодня после полудня я жду его с ключами от Сокровищницы в Соборе Святого Иоанна.

Джузеппе низко поклонился и вышел из кабинета.

За полчаса до полудня Эммануэль вытащил из ларца серебристый кубик, аккуратно завернул его в белый батистовый платок и положил в карман своего камзола, вышел из Орехового кабинета и направился к выходу из Дворца Великих Магистров, затем он сел в карету и поехал к Собору Святого Иоанна.

Когда часы на башне Городской Ратуши Валлетты пробили двенадцать, он был уже на месте. К нему сразу подошел Приор Собора и поинтересовался причиной его неожиданного визита.

– Я хотел в одиночестве поговорить с Богом, – ответил Великий Магистр.

Приор понимающе покачал головой и удалился.

Эммануэль сел на лавку напротив алтаря и в глубокой задумчивости просидел почти полчаса. Неожиданно в тишине собора он услышал торопливые шаги, Магистр обернулся и увидел Палаццо.

– Я немного опоздал, прости, – очень робко начал Казначей, подойдя к Эммануэлю. – Твой секретарь очень поздно сообщил мне, что ты хотел меня видеть именно здесь, в Соборе Святого Иоанна.

– Пустое, – немного отрешенно ответил Великий Магистр. – Присядь.

Палаццо сел, молча они просидели около десяти минут, рассматривая великолепный иконостас и, наконец, Великий Магистр очень загадочно произнес:

– Палаццо, ты умеешь хранить тайны? Ответь так, как будто бы тебя об этом спросил Господь.

– Прости, Великий, но за мои сорок лет, что я живу на этом свете, еще никто и никогда не посвящал меня ни в какие тайны. Поэтому я не знаю, умею я их хранить или нет, – немного растерянно ответил казначей.

– Ты откровенен со мной Палаццо, благодарю тебя, – произнес Великий Магистр и неожиданно встал. – Тогда поклянись перед ликами этих двенадцати Апостолов...

Двенадцать серебряных Апостолов все еще мирно стояли в Соборе Святого Иоанна, это чуть позже в одна тысяча семьсот девяносто восьмом году после разграбления Храма французскими солдатами они будут переплавлены в серебряные монеты, чтобы окупить Египетский поход Наполеона Бонапарта.

– ... и перед ликом Господа, что то, что ты сегодня узнаешь и увидишь, ты унесешь с собой в могилу.

– Клянусь перед ликом Господа, перед двенадцатью Апостолами, что тайна, которую ты мне сегодня доверишь, умрет вместе со мной. Амен, – торжественно произнес Палаццо.

– Амен, – как бы скрепляя клятву, произнес Великий Магистр. – Идем.

Они вышли из Собора, сели в карету Великого Магистра и поехали к Форту Святого Ангела.

Эммануэль и Палаццо спустились в Сокровищницу. Великий Магистр очень внимательно посмотрел на Казначея и неожиданно спросил:

– Ты исполнишь клятву, данную мне в Соборе Святого Иоанна?

– Да, – немного растеряно ответил Палаццо.

– Хорошо, я верю тебе, – сказал Великий Магистр, подошел к круглому постаменту, на котором стояла золотая шкатулка со Священными крестами Великих Магистров ордена, открыл ее, достал крест Пьера де Обюсьена, направился к противоположной от входа в Сокровищницу стене, осветил факелом (он держал его все время в руке) и сразу увидел выемку, о которой было написано в послании полупрозрачной фигуры в плаще Мальтийского рыцаря. Великий Магистр перекрестился и приложил крест Пьера де Обюсьена к выемке. Через секунду послышался металлический скрежет, и в стене открылась потайная дверь, за которой показались ступени второй винтовой лестницы.

– Возьми факел и ступай за мной, – сказал Великий Магистр Палаццо.

Удивленный казначей выполнил просьбу Эммануэля, взял факел, и они стали спускаться. Снизу повеяло холодом. Магистру и Казначейу стало немного не по себе, они спускались в неизвестность. Наконец ступени закончились, и они оказались в большом восьмигранном зале с колоннами.

– Мы должны зажечь на колоннах все факелы, – скомандовал Великий Магистр и направился к одной из них. Палаццо последовал его примеру, и через несколько минут весь зал был полностью освещен.

В его центре действительно оказалась невысокая (чуть больше фута) площадка из белого мрамора, в середине которой блестел золотой Мальтийский крест.

Великий Магистр встал в центр площадки и спросил Палаццо:

– Ты готов?

– Да, готов, – ответил Казначей.

Хотя вопрос: «Ты готов?», – Великий Магистр адресовал самому себе, а не Казначейу ордена. Эммануэль вытащил из кармана камзола серебристый кубик, завернутый в платок, отбросил ткань в сторону и совершил уже ставшие привычными действия.

Кубик распался на несколько сотен маленьких светящихся пирамидок, через несколько секунд из них сформировалась нечто, очень похожее на ленту Мебиуса, которая плавно опустилась на мраморный пол «Восьмигранного зала», и над ней возникла полупрозрачная фигура в белом плаще рыцаря Мальтийского ордена с красным крестом на спине, лица было не видно, его закрывал капюшон.

Палаццо с ужасом наблюдал за происходящим, от страха он не мог пошевелиться, его лицо побледнело, и на нем появились холодные капельки пота.

Полупрозрачный фантом в белом плаще неестественным голосом спросил Великого Магистра:

– Твое желание остается в силе?

– Да, – дрожащим голосом ответил Эммануэль.

В этот момент от стен «Восьмигранного Зала» стало исходить голубое свечение. Мраморная площадка с золотым Мальтийским крестом посередине, на которой стоял Великий Магистр, чуть приподнялась над мраморным полом и тоже стала светиться. Из восьми углов «Зала Вечности» неожиданно протянулись восемь лучей. Перед Эммануэлем возник светящийся эллипс чуть больше человеческого роста.

– Ступай, – произнесла полупрозрачная фигура в белом плаще. – Сейчас ты увидишь того, кого хотел.

Великий Магистр несколько секунд простоял в нерешительности и, наконец, сделал шаг вперед и вошел в светящийся эллипс. Произошла яркая вспышка, и Эммануэль исчез. Одновременно с этим пропало голубое свечение, исходящее от стен и площадки с Мальтийским крестом, погасли лучи.

Находясь на грани умопомешательства, несчастный Казначей смотрел на все происходящее остекленевшими, немигающими глазами. У него сейчас было только одно желание – закричать и провалиться под землю, даже если там внизу находится преисподняя, и веселящиеся черти, взявшись за руки, пляшут пиратскую джигу вокруг вновь прибывшего грешника.

Полупрозрачный фантом подошел к Палаццо.

– Насколько я понимаю, – произнес он, – ты новый избранник, которому Вселенная доверила свои секреты?

Палаццо молчал.

– Не беспокойся, твой друг скоро вернется обратно.

После этих слов опять возник светящийся эллипс чуть больше человеческого роста, и из него вышел Великий Магистр.

– Не буду мешать, вам будет о чем сейчас поговорить, – сказала фигура в белом плаще и пропала, пирамидки опять собрались в серебристый кубик. Он подлетел к серебряному ларцу, где хранились точные чертежи «Восьмигранного Зала Вечности», и опустился рядом с ним.

Первое, что произнес Великий Магистр после того, как они остались одни, это были три слова:

– Я видел его!

– Кого? – все еще не отойдя от шока спросил Палаццо.

– Спасителя, я видел Иисуса Христа и беседовал с ним, – ответил Великий Магистр. – Он сказал мне, что его проводник, – Магистр показал рукой на серебристый кубик, – должен попасть в Россию, в город Святого Петра, в Санкт-Петербург, как в самое безопасное место на Земле, но это еще не все, он поведал мне...

-9-

Весна одна тысяча семьсот девяностого года. Столица революционной Франции -Париж. Молодой Наполеон Бонапарт вышел из своего скромного жилища и хотел направиться во Дворец Тюильри, где заседал Национальный Конвент, но заметил, что начинается дождь, и решил переждать непогоду, заглянув в небольшую харчевню, расположенную на противоположной стороне улицы. Войдя в помещение, он сел за свободный столик и попросил принести ему бокал бургундского вина. Прошло примерно полчаса, Наполеон осушил бокал, но дождь пошел еще сильнее, похоже, это уже был не дождь, а скорее тропический ливень, совершенно не свойственный ни для этой географической точки, ни для этого времени года. Бонапарт выпил еще один бокал, но ливень не прекращался. Тогда Наполеон решил, что не пойдет сегодня в Конвент, а вернется в свою скромную съемную квартиру и погрузится в свое любимое еще с детства занятие – в чтение. Он встал из-за стола и направился к выходу, но в дверях столкнулся с человеком, одетым в черное. На нем все было черное: камзол, жилет, панталоны, чулки, старомодная широкополая шляпа, и лишь сорочка была ослепительно белого цвета.

Наполеон посмотрел на человека в черной одежде и подумал: «На его одежде ни капли дождя, вероятно, он приехал сюда в карете, когда же у меня будет своя собственная карета», – и уже собирался выйти из харчевни, но человек в черном неожиданно обратился к нему:

– Вы решили вернуться домой? Хотя до этого собирались во Дворец Тюильри?

– Я передумал, – немного удивленно ответил Наполеон. – В Национальный Конвент я отправлюсь завтра.

– Завтра будет уже поздно, сегодня в Париж пришло печальное известие: во время осады Тулона смертельно ранен Начальник осадной артиллерии Доммартен, и сегодня Конвент должен будет назначить нового Начальника.

– Что вы хотите этим сказать? – спросил Наполеон.

– Давайте присядем.

Они сели за столик, за которым до этого сидел Бонапарт, и человек в черном представился:

– Меня зовут Франкус де Меди, я предсказатель, хиромант и астролог.

– И что из того? – немного раздраженно спросил Наполеон.

– Несмотря на этот страшный дождь, вы должны отправиться во Дворец Тюильри, даже если промокнете до нитки, ведь вы солдат...

– Я капитан артиллерии, – не без гордости уточнил Бонапарт.

– Тем более. Сегодня во Дворце вы сделаете первый шаг, который прославит вас в веках. Я очень долго искал вас и наконец-то нашел. Я хочу стать вашим астрологом, медиумом и вести по тонкому лезвию жизни к триумфу.

– Почему я должен верить вам? – спросил Наполеон.

– Потому, что меня зовут Франкус де Меди. Отправляйтесь во Дворец! В начале зимы вы вернетесь в Париж триумфатором, я разыщу вас, и буду вести по жизни, пока вы не станете тем, кем должны. А сейчас прощайте, – де Меди резко встал из-за стола и очень быстро покинул харчевню. Наполеон побежал за ним, но, когда оказался на улице, де Меди там уже не было.

Вечером Конвент отправил Наполеона в Тулон в качестве нового Начальника осадной артиллерии. В начале декабря тысяча семьсот девяностого года непокорный Тулон пал. И двадцатичетырехлетний Наполеон Бонапарт вернулся в Париж как триумфатор – в звании бригадного генерала.

-10-

Июнь тысяча восьмисотого года. Небольшая плоскодонная барка стояла в маленьком фиорде неподалеку от Выборга. Она была загружена местным гранитом, предназначенным для облицовки Церковного и Воскресенского каналов, которые были прорыты вокруг резиденции нового русского Императора Павла Первого – Михайловского замка. Выбирал гранит и в черновую обрабатывал со своими артельщиками каменотес Самсон Суханов, прославившийся в будущем колоннами Исаакиевского собора. Под его руководством они были обтесаны до идеального зеркального блеска. Но до собора было еще далеко, и молодой Суханов уже несколько раз подходил к кормчему барки Тимофею с просьбой поскорее отплыть в сторону Санкт-Петербурга. Самсон торопился, он должен был как можно быстрее закончить свою работу по облицовке стенок каналов, но кормчий медлил.

– Мил человек, – сказал кормчий, когда Суханов в очередной раз подошел к нему, – моя барка не фрегат, парусов у нее всего лишь два, да и те прямые. Сейчас ветер малой силы, ну поплывем, а друг штиль, встанем посреди залива, а если шторм, мое суденышко его не выдержит, в щепки развалится. И сами сгинем, и груз твой не доставим. Так что не торопи меня, будет нужный ветер, сразу поплывем. Я по этому морю уже двенадцать годков хожу. Ступай, не мешай мне лоцию штудировать.

Расстроенный Суханов по деревянным сходням сошел на берег, лег на прибрежный песок, посмотрел на небо и подумал: «Три дня уже ждем у моря погоды, чую, Государь недоволен будет, ой, как недоволен».

Наступил вечер. Кормчий Тимофей долго смотрел на залив и вдруг почувствовал, что с Запада подул ветер, которого он ждал уже несколько дней.

– Отходим, – громко крикнул кормчий, – все на барку, быстро!

Каменотес Суханов, три корабельщика и пацаненок Филька (племянник кормчего) моментально поднялись на борт, и барка наконец-то отплыла.

Барка уже два часа шла в сторону Петербурга, кормчий Тимофей поймал правильный ветер, и она, как трехмачтовый фрегат, летела по глади Финского залива.

Пацаненок Филька (это было его первое плаванье) устроился на носу и, как замороженный, смотрел вперед. Неожиданно с левой стороны в трехстах метрах по курсу появился светящийся круг, на мгновение он завис над волнами, из него выпал человек и сразу погрузился в воду, круг исчез, и через несколько секунд над водной гладью залива появилась голова человека.

– Дядька, дядька, – закричал Филька. – Там, там, – мальчик не знал, как сформулировать то, что он только что видел светящийся круг над водой, и просто крикнул, – там человек, там человек!

Кормчий Тимофей не заметил светящийся над водой круг, он разбирался с лоцией, хотя курс, которым шла его барка, знал почти наизусть.

– Где человек? – недовольно спросил кормчий Тимофей, оторвался от карты и увидел слева по курсу в воде голову плывущего человека.

– Мать честная, он же утонет. Лодыри, где вы там? – крикнул Тимофей в открытую дверь очень тесного кубрика, расположенного под капитанским мостиком.

На палубу сразу поднялись трое немного сонных корабельщиков.

– Вон, смотрите, – Тимофей показал на человека за бортом, – ведь утонет, утонет душа православная, прибрать паруса.

Трое молодых парней моментально выполнили команду своего капитана, и барка стала чуть притормаживать.

Тимофей сложил ладони рупором и со всей силы крикнул в сторону тонущего:

– Эй, ты, давай к нам! – и начал размахивать руками.

Человек услышал его и совершенно спокойно поплыл к барке. Тимофей почесал свою рыжую бородку и подумал: «Станный утопленник, не кричит, не брыкается, не просит о помощи, а плывет, как рыба. И не саженками, а как-то по-другому, и уж больно бойко, я так не умею».

Действительно, человек, оказавшийся в воде, плыл очень быстро и через пару минут оказался у барки. Один из корабельщиков бросил ему веревку, «утопленник» схватился за нее и очень ловко поднялся на борт. У всех, кто был на палубе, в том числе и у Самсона Суханова (услышав шум, он тоже поднялся из тесного кубрика) возникло ощущение, что человек, которого они только что выловили из воды, всю свою жизнь только и делал, что плавал в одиночку по морям и залезал на борта попутных кораблей.

– Здравствуйте, добрые люди, – сказал спасенный и улыбнулся.

Коридор времени открылся, Максим по привычке сгруппировался, но мог этого и не делать, он упал в воду и сразу погрузился в нее с головой.

«Надеюсь, это не Атлантический океан, и я не у Канарских островов», – подумал Максим, вынырнул, сплюнул воду (она была не очень соленая, значит, не океан), сделал несколько плавных гребков и посмотрел по сторонам.

Перед телепортацией профессор Холин сказал ему, что он попадет в одна тысяча восьмисотый год ночью с двадцать шестого на двадцать седьмое июня неподалеку от Санкт-Петербурга. Максим посмотрел на небо, звезд почти не было видно, стояли Белые ночи. Но ему все равно удалось сориентироваться, он находился примерно в нескольких километрах от столицы Российской Империи.

«Похоже, море, в котором я плаваю – это Финский залив, – отметил Максим. – Где-то там должен быть мой домик, правда, его еще не построили. Почему меня выбросили посреди залива, разве нельзя было на пляж?» – Максим посмотрел направо от себя, там были видны еле различимые очертания береговой полосы, но до нее было далеко, почти два километра, а по-морскому чуть больше мили. «Вернусь обратно, напишу Холину рапорт, чтобы меня не швыряли куда попало», – решил Максим, хмыкнул себе под нос и увидел слева от себя на сравнительно небольшом расстоянии маленькое суденышко, скорее всего, транспортную барку. И на ней, похоже, его заметили, по палубе забегали люди, приспустили паруса, а человек, стоящий на корме, вероятно, капитан, что-то прокричал в его сторону и стал показывать жестами, чтобы он плыл к ним.

«Меня приглашают в гости, ну, раз приглашают, грех отказываться. Интересно, они видели круг, из которого я вывалился? Ну да ладно, потом разберемся», – подумал Максим и очень быстро кролем поплыл к барке. Через пару минут он был у ее борта, сверху ему бросили веревку, он ловко ухватился за нее и через несколько секунд уже стоял на палубе.

Все, находившиеся на палубе, начали с интересом рассматривать спасенного ими и умеющего идеально плавать улыбающегося человека. У него было умное, доброжелательное лицо, но понять, к какому сословию он относится, было невозможно, на нем не было одежды.

– Кто таков? – осторожно спросил Максима кормчий Тимофей.

– Я матрос со шхуны «Архангел Гавриил», – ответил Максим. – Мы шли из Выборга в Любек с грузом пеньки.

– Ты русский?

– Русский.

– Как звать?

– Петром, – не задумываясь, ответил Максим.

– А почему нет креста и одежды?

– В рубахе и портах уж больно тяжело плыть, сбросил с себя, а вот крест, наверное, случайно обронил.

– Не хорошо, грех.

– Сам знаю, что грех.

– Почему в воде оказался? – продолжил свой допрос кормчий Тимофей.

Максим на несколько секунд задумался. Назвать истинную причину, что это была чья-то ошибка во время телепортации, он, конечно, не мог. И здесь он вспомнил одну детскую книжку про пиратов, которую читал еще шестилетним ребенком. В ней был эпизод, когда три незадачливых пирата после взятия на бордаж испанского галеона в каюте убитого ими капитана нашли небольшой сундук с золотыми монетами. Но решили никому об этом не говорить, а тайно поделить между собой. Один из пиратов оказался честным и решил рассказать, что замышляют его товарищи, и за это «сообщники» бросили его в океан на съедение акулам. У Максима включилось воображение, и он рассказал следующее:

– Я узнал, что на борту нашей шхуны припрятали контрабандный груз, и доложил об этом капитану. Наверно, он был в доле и велел пятерым матросам ночью, когда я стоял у штурвала, бросить меня за борт.

– Значит, ты у нас честный? – лукаво улыбаясь, уточнил Тимофей.

– Честный, – утвердительно кивнул Максим.

– Ну и сколько времени ты, честный, плавал?

– Ой, долго, увидел берег, сразу к нему поплыл, а здесь ваша барка совсем близко, ну и повернул к вам.

Племянник Тимофея Филька что-то хотел сказать, но не осмелился и опять промолчал.

– Где так хорошо плавать научился?

– На озере Ильмень, там у нас волны во время штормов на полтора аршина поднимаются, как на море, а сам-то я каменщик из Новгорода.

– А как в матросы попал?

– Случайно.

– Что строил? – к разговору подключился каменотес Самсон Суханов.

– Новый дом Губернатора строил, имение графа Сашенкова строил, да много чего, – ответил Максим.

Максим сказал правду, во время его командировки в Псков в начало четырнадцатого века ему пришлось участвовать в строительстве каменной Изборской крепости, месить раствор и класть блоки из местного известняка. Да и изначально, еще в юности он мечтал стать архитектором и даже закончил два курса «Национального Архитектурного университета». А в сталкеры попал случайно. В «Школу сталкеров» поступал его друг и попросил ради шутки вместе с ним пройти экзамены. Максим согласился, и как это часто бывает, друга не приняли, а его взяли. Он блестяще прошел все тесты, сдал экзамены и был принят в «Школу сталкеров».

Но и после этого очень долго колебался, не зная, что делать: или продолжить учиться на архитектора, или стать сталкером – но все-таки выбрал последнее.

– Ладно, все понятно, – закончив свой вопрос, сказал кормчий Тимофей и обратился к корабельщику Федору. – Дай ему какую-нибудь одежду и рюмку водки для сугреву, а вы, – сказал он двум другим, – поднимайте паруса, пока ветер не поменялся.

– Идем, – позвал Федор Максима.

Они спустились в тесный кубрик под капитанским мостиком.

– Вот, держи, – Федор протянул Максиму рваную рубаху, такие же штаны и очень важно произнес, – извини, но партикулярного платья у нас здесь нет.

Максим надел обновки и, улыбнувшись, сказал:

– Спасибо, на первое время сойдет.

Федор из маленького рундука достал штоф водки и небольшую рюмку, налил в нее содержимое и протянул ее Максиму.

– Нет, я не буду, я непьющий.

– Ну, как знаешь, будь здоров, – радостно сказал Федор и осушил ее залпом.

В тесный кубрик спустился Самсон Суханов и спросил Максима:

– Значит, каменщик, говоришь?

– Да, – ответил Максим.

– А каменотесом не пробовал?

– Нет.

– А попробовать не хочешь? У меня в артели народу не хватает.

– Что ж не попробовать, можно и попробовать, – ответил Максим.

– Когда приплывем в Петербург, пойдешь со мной.

– Хорошо.

Ранним утром барка вошла в дельту Невы, Максим перешел на нос и стал рассматривать берега, которые очень сильно изменились за последние почти триста лет. Рядом появился Филька, он сделал вид, что тоже внимательно смотрит вперед, а потом неожиданно спросил Максима:

– Дядька Петр, почему ты сказал неправду, что тебя выбросили с корабля, я же видел, что ты выпал из светящегося круга. Ты Ангел? Тебя сюда Боженька прислал?

Вопрос мальчика поставил Максима в тупик, но он решил не отпираться и очень тихо, почти шепотом ответил:

– Нет, я не Ангел, я появился здесь, чтобы спасти одного хорошего человека, – потом положил Фильке на плечо правую руку и, как его учил доктор наук Керн, очень вкрадчиво произнес. – Я досчитаю до пяти, и ты навсегда забудешь то, что видел. Один, два, три, четыре, пять...

У Фильки на мгновения округлились глаза, и он сказал:

– Дядька Петр, смотри, какой огромный корабль, – и показал на трехмачтовый фрегат, шедший из Невы в Финский залив.

Барка вошла в Большую Неву, прошла мимо Адмиралтейства, где кипела работа (заканчивали достройку двух линейных кораблей для эскадры Балтийского флота), миновала Петропавловскую крепость, Летный сад, вошла в Фонтанку, бросила якорь, опустила паруса и встала в створе Мойки.

Вскоре к ней подплыл небольшой ялик, им управляли два немолодых солдата. С барки сразу спустили веревочный штормтрап с деревянными ступеньками.

– Следуй за мной, – сказал каменотес Суханов и начал очень неумело спускаться по трапу к причалившему ялику. Когда он оказался внизу, прыгнуть в ялик ему помог один из солдат. Максим проделал этот путь в три раза быстрее и проворнее.

Ялик отчалил от барки, прошел по Мойке, повернул налево в еще не облицованный камнем Церковный канал и причалил к уже построенному гранитному спуску к воде.

– Пошли, – сказал Суханов и прыгнул с ялика, Максим последовал за ним. Они поднялись на набережную и направились к большой походной офицерской палатке, стоящей неподалеку от строящегося Михайловского замка.

Перед входом в палатку Суханов сказал Максиму:

– Стой здесь, я доложу Викентию Францевичу, что прибыл, – и вошел внутрь.

Максим посмотрел по сторонам. То, что происходило вокруг, чем-то напоминало подготовку к штурму вражеской крепости. Вокруг стен замка работало несколько сотен человек, Император Павел Первый приказал возводить его новый дворец не только днем, но и ночью при свете факелов. Мастеровые тащили доски, балки, горбыли, забивали сваи, катили тачки с песком, с известью, с гранитными и мраморными блоками. Кто-то кричал, кто-то ругался. Кроме штатских в этом аврале участие принимали и солдаты. Работа кипела.

Через несколько минут из офицерской палатки вышел человек, облаченный в дорожную одежду, на его груди сияла орденская звезда, в руке он держал трость с медным набалдашником. За ним, пригнувшись и что-то бормоча себе под нос, семенил Суханов. Вышедший из палатки случайно посмотрел на Максима, остановился и стал внимательно его разглядывать. Возможно, в его сознании возникло некое несоответствие. У стоящего перед ним сравнительно молодого человека было умное, даже одухотворенное лицо, но лохмотья, надетые на нем, полностью разрушали его образ и никак ему не соответствовали.

Мужчина со звездой легонько ткнул своей тростью Максима в грудь и с итальянским акцентом спросил:

– Кто ты есть такой?

Максим не успел ответить, его опередил Суханов.

– Это мой артельщик Петр, Викентий Францевич, – как бы извиняясь, сказал он.

Кто такой Викентий Францевич Максим хорошо помнил еще с первого курса «Национального Архитектурного университета», так в России называли Винченцо Бренна, Главного архитектора Михайловского замка. И после слов Суханова он поприветствовал Винченцо по-итальянски. Ведь его командировка в Италию (в эпоху «Возрождения») была неожиданно отменена.

Удивленный Архитектор спросил Максима, откуда он знает итальянский язык. И дальше их разговор шел на итальянском.

– Когда в Новгороде я строил новый дом губернатора, – начал Максим, – работами руководил Альберто Ломбарди...

– Кто, кто? – уточнил Винченцо.

– Альберто Ломбарди, он говорил, что учился архитектуре в Риме у Великого Стефано Поцци, – Максим знал из истории архитектуры, что Винченцо Бренна постигал азы мастерства именно у Стефано Поцци и специально назвал его имя. – Он и научил меня итальянскому языку.

Когда Максим произнес фамилию Поцци, у Винченцо загорелись глаза, ведь это именно он, Поцци, научил его основам архитектуры и живописи. Бренна стал перебирать в своей памяти архитекторов, с которыми учился у великого мастера, но человека по имени Альберто Ломбарди припомнить не смог. «Вероятно, он учился уже после меня», – подумал Бренна и с неподдельным интересом продолжил внимательно слушать Максима.

– Ломбарди рассказывал, что в Петербурге строят для Императора Павла замок сказочной красоты, вот я и подался сюда в Петербург. Но со мной приключилась оказия, и я попал в матросы.

– А чему еще тебя научил мой соотечественник Ломбарди? – спросил Бренна.

– Чертежному делу, – ответил Максим.

– Чертежному делу? – переспросил Винченцо.

– Да, – уверенно подтвердил Максим.

На прошлой неделе Бренна лишился своего любимого чертежника Клаудио, у него оказались слабые легкие, они не выдержали сырого климата Российской Столицы, Клаудио заболел и пять дней назад уехал на Родину в Италию – лечиться.

«Если этот человек также хорошо изучил чертежное дело, как и мой родной язык, он мог бы легко заметить заболевшего Клаудио», – подумал Бренна и перешел на русский:

– Ступай за мной.

Каменотес Суханов, ничего не понимая, как замороженный наблюдал со стороны за этим диалогом и даже чуть приоткрыл от удивления рот.

Винченцо и Максим вошли в офицерскую палатку. В ней работали несколько штатских и три военных инженера, старший – в чине майора. Когда архитектор появился в палатке, все сразу замолчали и с удивлением посмотрели на босого оборванца, которого привел Бренна. Но он был любимцем Императора, его Главным придворным архитектором и постоянно общался с Государем, поэтому его любой каприз, любой приказ или просьбу исполняли беспрекословно.

Бренна подвел Максима к своему рабочему столу, на котором в беспорядке лежали чертежи и какие-то бумаги, скинул часть на деревянный настил офицерской палатки и велел Максиму сесть в стоящее рядом кресло. Положил перед ним листок бумаги, чертежные инструменты и сказал по-русски:

– Покажи, что умеешь, – и деловито отошел к столу, за которым сидел один из военных инженеров.

Максим не стал прислушиваться к их разговору, взял английский карандаш, линейку и начертил идеальный куб, потом второй и третий, во второй он вписал правильный тетраэдр, а в третий октаэдр.

«Как хорошо, что на первом курсе моего «Архитектурного университета» нас обучили основам черчения, а не сразу графическому компьютерному моделированию», – подумал Максим, когда закончил, и обратился к Винченцо:

– Вот, посмотрите.

Бренна подошел к Максиму, взял у него из рук листок и стал внимательно его разглядывать, даже не догадываясь, что Максим в это время пытается «просканировать» его сознание и узнать его мысли. Через несколько секунд он узнал, что архитектору срочно нужен новый чертежник вместо заболевшего Клаудио, а работа, которую он предоставил своему экзаменатору его вполне удовлетворила. Используя метод нейро-гипнотического программирования, Максим отправил в подсознание Винченцо команду предложить ему работу чертежника.

Бренна вернул Максиму листок и немного отрешенно проговорил:

– Я хочу поручить вас работу чертежника, и если ты не против, то завтра утром будь здесь, в этой палатке, – на что Максим кивнул головой.

Архитектор обвел присутствующих взглядом и очень громко произнес:

– Этот новгородский крестьянин будет работать у нас чертежником вместо заболевшего Клаудио.

Все с удивлением посмотрели на Бренна, но никто не проронил ни слова. Винченцо отсчитал Максиму несколько серебряных монет в счет будущего жалованья и повелел, чтобы он купил на эти деньги подобающую его новой должности одежду и снял бы жилье. Максим низко поклонился и вышел из палатки.

У входа его смиренно ждал каменотес Суханов.

– Ты что так долго? – спросил Суханов. – Я тебе жду, жду. Пойдем отсюда поскорее, по дороге все расскажешь.

– Да что здесь рассказывать, – ответил Максим. – Похоже, с работой каменотеса придется пока повременить. Викентий Францевич назначил меня чертежником и даже дал немного денег взаймы, – Максим показал Суханову серебряные монеты. – Так что не сердись на меня, Самсон, что не оправдал твоих надежд, дай бог, еще свидимся.

Максим, понимая всю неловкость ситуации, пожал Суханову руку и очень быстро пошел прочь от палатки. Самсон растеряно почесал затылок и направился командовать разгрузкой барки с гранитом.

Вскоре Максим добрался до каменного Круглого рынка, недавно построенного на берегу Мойки вместо сгоревшего деревянного приятелем Винченцо Бренна Джакомо Кваренги. В маленькой лавке он выбрал себе недорогой сюртук из зеленого сукна, светлые панталоны, чулки, сорочку, жилет, мужские туфли с большими медными пряжками и черную треугольную шляпу. Лавочник с недоверием смотрел на Максима. Почувствовав это, сталкер сказал ему, что он помощник Главного Императорского архитектора, который неподалеку отсюда строит Государю прекрасный замок, а одет он так странно потому, что его ограбили лихие люди. Услышав этот ответ, лавочник успокоился. Максим расплатился, облачился в свое новое одеяние и направился искать себе пристанище. На оставшиеся деньги ему удалось снять маленькую квартиру, располагающуюся тоже на Мойке в доме купца Чернова. На противоположном берегу стояла усадьба Жадимировского с порядковым номером двенадцать.

-11-

Лето тысяча семьсот девяносто третьего года. Гатчина. После того, как Императрица Екатерина Вторая подарила своему сыну Павлу выкупленные ею бывшие владения графа Григория Орлова Гатчину (это случилось в тысяча семьсот восемьдесят третьем году, почти сразу после смерти графа), здесь многое изменилось. Личный архитектор Павла Винченцо Бренна частично перестроил Дворец. Появились каналы, подъемные мосты, и это место стало напоминать неприступный рыцарский замок.

Будущий Император вернулся с плаца Гатчинского дворца, где проводил строевой смотр своих, как их называли – «Гатчинских войск» – и остался ими очень доволен. Он поднялся в рабочий Овальный кабинет и запер изнутри дверь на ключ, чтобы еще раз перечитать таинственное письмо, полученное от Консула Мальтийского Ордена в Италии Джулио Литто, с которым он познакомился в Риме во время своего путешествия по Европе вместе со своей супругой Марией Федоровной. Текст этого письма был немного странным. Вернее, в конверте было сразу два письма, с первым от Джулио Литто все было понятно. В нем Консул вспоминал их Римскую встречу в тысяча семьсот восемьдесят первом году и беседу о Европейской политике. Он писал, что Павел, говоря об изменениях, которые произойдут в Европе в ближайшие пять-десять лет, был прав, предвосхищая события. Но было еще одно в маленьком конверте, запечатанное сургучом личной печаткой Великого Магистра Мальтийского ордена Эммануэля де Рогана.

Будущий Император уже несколько раз перечитывал его. Именно второе послание не давало ему покоя: «Светлейший Павел, скоро вы станете Императором Великой Российской Империи, это вам предначертано судьбой, но это еще не все, вы станете Великим Магистром Мальтийского ордена и продолжите дело ордена во имя Господа. Возможно, второе для вас несколько неожиданно, но верьте мне, на вас будет возложена Великая миссия, которую благословил Господь. Через семь дней после того, как вы прочтете эти строки, я лично предстану пред вами и постараюсь все объяснить. Поэтому пишу вам это письмо, чтобы вы были готовы

к моему визиту. Это произойдет почти сразу после полуночи, постарайтесь найти уединенное место, чтобы никто, повторяю, никто не присутствовал при нашем разговоре и не знал о нашей встрече. Вы узнаете великое таинство и великое откровение. Великий Магистр Мальтийского ордена Эммануэль де Роган. P.S. О том, что перстень Первого Великого Магистра Мальтийского ордена Пьера де Обюсьена, который я вам передал через нашего римского Консула, сейчас у вас, знают только три человека: вы, я и Джулио Литто. Эта тайна должна убедить вас в искренности моих намерений».

Павел еще раз прочитал второе письмо и подумал: «А если это злая шутка одного из новых фаворитов моей матушки, который хочет просто посмеяться надо мной? Хотя, нет, P.S. и перстень...»

Павел Петрович, как и просил Консул, никогда и никому не показывал этот перстень, даже своей супруге Марии Федоровне. Он хранил его в особом тайном ящичке своего бюро, о котором никто не знал. Лишь изредка, когда оставался один, он доставал его из тайника, надевал на безымянный палец левой руки и любовался четырьмя большими рубинами, вставленными в золотую оправу в форме Мальтийского креста.

Будущий Император посмотрел на часы, было без четверти двенадцать, до полуночи оставалось пятнадцать минут. Павел зажег свечи, хотя за окнами было светло (стояли Белые ночи), и задернул в Овальном кабинете шторы. Затем он подошел к бюро, вытащил из тайника шкатулку, достал из нее перстень, сел в кресло и стал внимательно рассматривать подарок Эммануэля де Рогана.

Павлу показалось (или это был эффект, который давали зажженные свечи), что рубины почему-то стали менять свой цвет. Они становились то совсем алыми, то неожиданно бледнели. Ничего подобного раньше с ними не происходило. «Может быть, это знак?» – подумал Павел Петрович и опять посмотрел на часы, они показывали двенадцать часов и одну минуту.

Неожиданно рядом с дверью возникла маленькая светящаяся точка. Постепенно она стала увеличиваться и через несколько секунд превратилась в пульсирующий голубым светом эллипс чуть больше человеческого роста. Через мгновение из него вышел пожилой мужчина, одетый в красный шелковый жилет с белым Мальтийским крестом на груди и в красный шелковый камзол. У него были тонкие черты лица, на голове парик, на шее белый платок и орден с бриллиантами, которые сияли в чуть приглушенном свете свечей. В руках он держал небольшой серебряный ларец.

– Здравствуйте, Павел, – произнес по-французски вышедший из светящегося эллипса неизвестный. – Меня зовут Эммануэль де Роган, я Великий Магистр Мальтийского ордена. Я заранее предупредил вас о своем визите.

Павлу Петровичу стало не по себе. Ему хотелось закричать и выбежать из Овального кабинета, но он не мог этого сделать. Он же Будущий Император и был обязан сдерживать свои эмоции перед лицом опасности. Павел, преодолевая страх, встал с кресла, почтительно кивнул головой и произнес:

– Чем я могу быть вам полезен, сударь?

Великий Магистр низко поклонился и сказал:

– Я преклоняюсь перед вашим мужеством и самообладанием, уверен, Россия в вашем лице получит Великого Государя. Я не задержу вас надолго, я появился здесь благодаря небольшому серебряному кубу. Спаситель назвал его «проводником», он хочет, чтобы он хранился у вас в России, в городе Святого Петра. Я не могу передать вам его сейчас, иначе не смогу вернуться назад. Но прошу вас прислать за ним на Мальту надежного человека, которому вы полностью доверяете. Чтобы я точно знал, что это ваш посланник, вручите ему как условный знак шкатулку, в которой у вас хранится перстень Первого Великого Магистра нашего ордена, – Эммануэль показал на перстень и шкатулку на рабочем столе Павла Петровича. – Простите,

Сир, у меня очень мало времени, я должен возвращаться, в этом ларце бумаги, из которых вы все поймете. Прощайте.

Великий Магистр поставил серебряный ларец на край стола, вошел в пульсирующий голубым светом эллипс, и все исчезло.

Павел Петрович в течение получаса пытался осмыслить все произошедшее, наконец, он осмелел и открыл серебряный ларец. В нем находились бумаги, написанные на французском языке.

«Нет, это был не призрак и не фантом», – подумал Павел, бегло просмотрев их. Но решил, что на сегодня довольно, покинул Овальный кабинет и еще почти два часа в глубокой задумчивости гулял по дворцовому парку, и только после этого отправился спать.

Утром Будущий Император внимательно изучил бумаги из серебряного ларца. Из них он узнал, что с помощью небольшого серебряного кубика, о котором ему поведал Великий Магистр, можно перемещать свою плоть и дух во времени и пространстве, что вчера и проделал Эммануэль де Роган, а также увидеть прошлое и будущее. Но чтобы предмет, который Спаситель назвал «проводником», обрел бы свою полную силу, его необходимо поместить в «Восьмигранный Зал Вечности». Пока такой зал есть только на Мальте, в Форте Святого Ангела. В серебряном ларце кроме послания Эммануэля де Рогана лежали и подробные чертежи «Восьмигранного зала».

Потрясенный Павел решил, что обязательно исполнит волю Спасителя и построит надежное укрытие для загадочного кубика, и второй «Восьмигранный Зал Вечности».

Павел Петрович уже давно хотел на месте бывшего Летнего дворца Императрицы Елизаветы Петровны (там, где он родился) построить великолепный замок. Тем более, что существовала легенда, согласно которой «здесь должен стоять Дом и Храм во имя Святого Архангела Михаила».

Будущий Император уже сам сделал несколько набросков будущего здания, но после знакомства с бумагами, которые ему передал Великий Магистр, понял, что его прежний замысел никуда не годится, и очень быстро набросал новый, и вызвал своего любимого архитектора Винченцо Бренна. Через полчаса Викентий Францевич (так его называли в России) уже сидел в Овальном кабинете Будущего Императора и внимательно его слушал.

Павел Петрович не стал рассказывать архитектору о ночном визите Великого Магистра, а сказал, что хотел бы, чтобы внутренний двор его будущего замка имел бы форму восьмигранника, и под ним был бы возведен восьмигранный подземный зал. Затем он передал архитектору чертежи из серебряного ларца и сказал:

– Это чертежи подземного «Восьмигранного зала», их начертал средневековый архитектор, я получил их случайно с оказией.

Викентий Францевич взял бумаги, уверил, что будет работать, и через две недели предоставит будущему Императору первые эскизы.

«Я сделал первый шаг, – подумал Павел Петрович, когда Бренна вышел из его Овального кабинета. – Теперь надо решить – кто, как сказал Великий Магистр, станет моим посланником, и как он будет добираться до Мальты».

Самое простое решение – снарядить туда военный корабль. Хотя Павел и не был пока еще Императором, но послать в Средиземное море фрегат было в его власти. Но это могло вызвать ненужные разговоры, толки и пересуды, а это путешествие должно было проходить в глубочайшей тайне.

Добраться до Мальты можно было двумя путями: Северным и Южным. Последний был немного короче, но на юге находилась Турция, Османская Империя, с которой Россия вела бесконечные войны, и отправлять туда человека с очень щекотливой миссией было небезопасно. Северный путь, хоть и был длиннее, но надежнее, правда, на Западе находилась еще беспокойная Польша. Но по Балтийскому морю, минуя ее, можно было попасть в Германию, а из нее

посуху через Австрию и Италию, а потом снова морем добраться и до Мальты. Будущий Император решил отправить своего посланника Северным путем, но кто им станет, пока не знал. Он перебрал в своей памяти всех справных и преданных ему офицеров «Гатчинских войск» и, наконец, остановился на кандидатуре поручика Александра Арбатова – молодого разорившегося дворянина из Тверской губернии.

Арбатов производил очень хорошее впечатление. Он отлично справлялся со своими служебными обязанностями, неплохо знал французский и немецкий языки, отлично фехтовал (а это было просто необходимо во время его будущего путешествия) и имел отменное здоровье. Павлу Петровичу необходимо было тайно посвятить Александра в свои планы.

«Я должен переговорить с этим человеком, – подумал Будущий Император. – Надо только найти благовидный предлог, чтобы пригласить его к себе на аудиенцию».

Даже здесь, в Гатчине, где Павел Петрович был в полной безопасности, он все равно опасался шпионов своей матушки Императрицы Екатерины Второй.

Опасения Павла Петровича были небезосновательны. На следующий же день после визита Магистра Мальтийского на стол Первого помощника Начальника «Тайной экспедиции» Владимира Аркадина, того самого, что сопровождал Павла Петровича и Марию Федоровну во время их путешествия по Европе в тысяча семьсот восемьдесят первом году, лежала записка: «Вчера около полуночи Великий Князь Павел Петрович заперся в своем Овальном кабинете. Никого не впускал и никого не приглашал. Но из-за двери был виден очень яркий свет и слышалась чуть приглушенная французская речь неизвестно как появившегося там человека. Потом все стихло, пропал и яркий свет. Великий Князь еще какое-то время оставался в Овальном кабинете, а потом около двух часов гулял по парку, и лишь после трех ночи отправился спать». Подписи под этим посланием не было...

Вскоре предлог был найден, и Павел вызвал к себе Обер Коменданта Гатчины. Когда тот вошел в его кабинет, Будущий Император встал из-за стола и задумчиво произнес:

– Я хочу повысить в звании поручика Александра Арбатова, но прежде, чем подписать приказ о его назначении, я желаю его проэкзаменовать по «Воинскому Уставу пехотной службы». Пусть завтра ровно в двенадцать явится сюда.

– Слушаюсь, Ваше Императорское Высочество, поручик Арбатов завтра будет у вас, – ответил Обер Комендант, отдал честь и вышел из кабинета.

Когда Арбатову сообщили, что его собираются повысить в звании, он, конечно, очень обрадовался, но, когда узнал, что Будущий Император сам будет экзаменовать его по «Уставу пехотной службы», немного испугался. Александр не спал всю ночь и штудировал «Устав». И ровно в двенадцать вместе с Обер Комендантом предстал перед Павлом Петровичем.

Павел приказал Обер Коменданту выйти из кабинета и после небольшой паузы очень серьезно произнес:

– Поручик Арбатов, ответьте мне, что написано в седьмом параграфе девятой главы «Устава пехотной службы»?

Александр не мог вспомнить, что написано в седьмом параграфе девятой главы «Устава» и молчал. Он покраснел, на его лице появились капельки пота. И это было немудрено, в «Уставе пехотной службы» было всего семь глав.

– Ну, я жду ответа, – очень грозно произнес будущий Император и сурово посмотрел на поручика.

Арбатов уже был готов сказать, что не помнит, что написано в девятой главе, но не успел. Павел неожиданно рассмеялся и очень по-доброму сказал:

– Садись, – и показал на кресло, стоящее рядом с его столом.

Александр не ожидал такого поворота событий и сразу плюхнулся в кресло.

– Что сказано в девятой главе «Устава полевой службы» не знаю даже я, она еще не написана, – продолжая улыбаться, сказал Павел и уже серьезно продолжил. – Поручик Арбатов, – Александр, как по команде вскочил с кресла и вытянулся по струнке, – ты готов послужить Будущему Императору и Отечеству?

– Готов, Государь, – ответил Арбатов.

Павлу очень понравилось обращение «Государь», и он продолжил:

– Поклянись именем Господа нашего Вседержителя, что то, что я сейчас тебе скажу, останется тайной.

– Клянусь именем нашего Господа Иисуса Христа, что эта тайна умрет вместе со мной, а если нарушу это свое обещание, пусть меня и предков моих постигнет кара небесная, – ответил Арбатов, упал перед Павлом на колени и несколько раз перекрестился.

– Довольно, поднимись, я верю тебе, – сказал Павел Петрович.

Александр встал.

– Я давно наблюдаю за тобой, – продолжил Будущий Император. – Ты хороший офицер и благородный человек, подойди сюда.

Павел подошел к большой карте Европы, которая висела у него в Овальном кабинете, Арбатов последовал за ним. Будущий Император взял указку, показал на остров Мальта и спросил:

– Что это?

Все географические названия на карте были написаны по-французски, Александр хорошо знал французский, но и без этой подсказки он блестяще знал и географию, поэтому сразу ответил:

– Это остров Мальта, он находится в Средиземном море неподалеку от Итальянского острова Сицилия.

– Молодец, – сказал Император и похлопал Арбатова по плечу. – Ты должен в одиночку добраться до этого острова, – немного таинственно проговорил Павел. – Сначала на корабле по Балтийскому морю, потом по Германским, Австрийским и Итальянским землям, потом опять на корабле до Мальты, – Павел показал указкой будущий маршрут. – Когда прибудешь на место, ты должен явиться к Великому Магистру Мальтийского ордена синьору Эммануэлю де Рогану и передать ему... – Павел Петрович подошел к бюро и вытащил из одного из ящичков золотую шкатулку, где до этого хранил перстень Первого Великого Магистра Мальтийского ордена. – И передать ему эту шкатулку. Взамен ты получишь то, что должен будешь доставить в Россию. Ты понял меня?

– Да, Государь.

– Я отдаю себе отчет, что отправляю тебя в очень опасное путешествие, но от его успеха будет зависеть будущее нашей Империи, а может быть, и всего Европейского мира. Ты понимаешь, какой груз ответственности ложится на твои плечи? То, что тебе передаст Великий Магистр, ты должен во что бы то ни стало доставить в Россию.

– Я сделаю все, что от меня зависит, – сказал Арбатов.

– Я верю в тебя.

Будущий Император вытащил из ящика стола кожаный кошелек с золотыми монетами, бумагу (паспорт), дающую право покидать пределы России, и сказал:

– Это тебе, возьми.

– Благодарю.

– И еще – постарайся вернуться назад не позже, чем через шесть месяцев.

– Я постараюсь, Государь.

– После возвращения ты получишь щедрую награду и будешь повышен в звании.

– Я готов служить Отчизне и вам, Государь, не за награды и звания.

Павел подошел к Александру, обнял его, расцеловал и тихо произнес:

– А сейчас для моих врагов я разыграю маленький спектакль. Якобы я недоволен твоим экзаменом и отправляю служить в Тобольск, – после этих слов Павел Петрович хитро подмигнул Арбатову, улыбнулся, и вдруг неожиданно очень грозно закричал, – пошел вон, ты недостойн служить в Гатчине, прочь с моих глаз, немедленно отправляйся в Сибирь, в Тобольск.

Александр взял кожаный кошелек с золотыми монетами, паспорт, шкатулку и, поклонившись, вышел из Овального кабинета.

Когда он вышел, к нему сразу подошел Обер Комендант, все это время он стоял у дверей кабинета и пытался понять, о чем говорят его подчиненный и будущий Император, но, как не напрягал слух, почти ничего не расслышал. Павел Петрович и Александр разговаривали не очень громко, Комендант слышал лишь последнюю, театрально наигранную фразу Павла Петровича: «Прочь с моих глаз, немедленно отправляйся в Сибирь, в Тобольск».

– Не ожидал я от тебя такого, Арбатов, не ожидал, ты хороший, справный офицер, и вдруг такой позор, – сказал Обер Комендант.

– Я сам не ожидал, – немного задумчиво ответил Александр.

– Ну, ступай, собирайся. В Тобольск, так значит – в Тобольск, я отпишу все необходимые тебе бумаги.

Александр посмотрел на Коменданта и подумал: «Все нужные бумаги у меня уже в кармане».

Арбатов вошел в свою небольшую комнату в офицерской казарме Гатчинских войск, присел на краешек кровати, вытащил из кармана шкатулку, в которой Павлу Петровичу передали перстень Первого Великого Магистра Мальтийского ордена Пьера де Обюссена и подумал: «Путь до Мальты неблизкий и опасный, и к этому путешествию надо обстоятельно подготовиться».

Ближе к вечеру Александр добрался до Санкт-Петербурга и остановился в небольшой гостинице неподалеку от Сенной площади, а утром отправился на рынок, чтобы купить гражданскую одежду и все необходимое, что может ему понадобиться во время его путешествия.

На Сенном рынке он купил недорогую европейскую одежду, небольшой дорожный сундучок, всякие мелочи, потом зашел в оружейную лавку, где приобрел абордажный кортик в ножнах, два кремневых пистолета и запас пороха к ним. Вернулся к себе в гостиницу, переоделся в штатское и перед тем, как направиться в Торговый порт на Стрелку Васильевского острова, чтобы узнать, какие корабли в ближайшее время уходят в Европу, зашел в церковь Спаса на Сенной и долго молился за успех будущего предприятия.

В порту Александр выяснил, что завтра около девяти утра в Любек уходит немецкое торговое судно «Великий Карл». Капитан, просмотрев бумаги, которые передал Арбатову будущий Император, согласился за умеренную плату взять с собой Александра в плаванье в качестве пассажира.

Утром Арбатов был на корабле, и когда «Великий Карл» отходил от причала, Александр посмотрел на шпиль Петропавловского собора, перекрестился и прошептал:

– Господи, сделай так, чтобы я снова увидел эту красоту.

Через несколько недель ближе к вечеру «Великий Карл» пришел в Любек. Александр поблагодарил капитана, что взял его с собой в плавание, подхватил свой дорожный сундучок, сошел на берег и решил перекусить в небольшой припортовой таверне, зашел в заведение и сел за свободный столик.

Через пару минут к нему подошел хозяин таверны. Александр, хорошо знавший немецкий, попросил его приготовить Мюнхенские колбаски с тушеной капустой, принести белого хлеба, козьего сыра и небольшую кружку не очень крепкого, но самого лучшего немецкого пива.

Когда все стояло на столе, Александр приступил к ужину.

За соседним столиком сидели два немца: Ганс и Мартин. Когда в таверну вошел Арбатов, они переглянулись, и Мартин сказал Гансу:

– Смотри, похоже, это иностранец.

– Похоже, – ответил Ганс.

– Мне кажется, он только что сошел с причалившего в порту корабля и, похоже, прибыл к нам один.

– Что ты предлагаешь?

– Я предлагаю хорошенько потрясти этого иностранца. Я уверен, в его дорожном сундучке обязательно найдется что-нибудь ценное, то, чем можно поживиться. У тебя нож с собой?

– Обижаешь, – ответил Ганс, – он у меня всегда с собой.

– Хорошо, пьем пиво, а когда он выйдет на улицу...

– Я тебя понял.

Арбатов закончил ужинать, допил пиво, расплатился с хозяином, взял свой дорожный сундучок, вышел на улицу и задумался: «Хорошо бы найти место для ночлега, а то скоро совсем стемнеет. И завтра с новыми силами в путь, на Юг Европы, жаль не подумал спросить у хозяина этой таверны, где здесь можно остановиться», – Александр посмотрел по сторонам, поблизости никого не было.

Когда Арбатов вышел из таверны, Ганс и Мартин опять переглянулись, и Мартин шепотом сказал Гансу:

– Пошли.

Они тоже вышли на улицу. Заметив прохожих, Александр сразу к ним обратился:

– Господа, вы не подскажете, где здесь неподалеку может находиться небольшая гостиница или постоялый двор?

– Вы иностранец? – спросил Арбатова Мартин.

– Да, я сегодня прибыл из России, из Санкт-Петербурга, – не без гордости в голосе ответил Александр.

– Конечно, конечно, мы вам покажем и даже проводим, – сказал Мартин. – Здесь совсем недалеко есть недорогая, но очень уютная гостиница, она называется «Приют странника». Идемте, господин.

Они прошли полтора квартала, стало темнеть. Дома, которые им стали попадаться, все больше и больше стали напоминать неухоженные лачуги. И было бы странно, если где-то здесь могла находиться очень уютная гостиница с романтическим названием «Приют странника».

«Что-то мне это не нравится», – подумал Арбатов. И здесь Мартин сказал:

– Господин, еще чуть-чуть, и мы на месте, – и показал рукой вперед, туда, где, как показалось Александру, не было вообще никаких строений, а скорее всего простирался большой пустырь.

В этот момент Ганс стал немного отставать и оказался за спиной Александра. У Арбатова сработало шестое чувство, он почувствовал опасность и незаметно расстегнул нижние пуговицы своего камзола, нащупал рукоятку кортика, который висел у него на поясе, остановился,

поставил дорожный сундучок, резко развернулся и увидел, что его отставший провожатый уже занес нож и собирался вонзить его ему в спину.

Арбатов выхватил из ножен кортик и очень сильно пнул ногой идущего впереди Мартина. Тот не ожидал этого и упал на землю. Александр бросился на Ганса, выбил у него из руки нож и нанес удар кортиком в правую руку.

Ганс взвизгнул от боли и побежал прочь, за ним последовал и поднявшийся с земли Мартин.

– Фух, – выдохнул Александр и вытер со лба рукавом пот. – Кажется, на этот раз пронесло.

По дороге, по которой его вели несостоявшиеся грабители, Александр вернулся к таверне, где ужинал, и почти сразу встретил добропорядочного бюргера, который и объяснил ему, где находится ближайшая гостиница.

Переночевав в Любеке, Александр отправился на Юг Европы, а затем на Мальту, и через два с половиной месяца уже без особых приключений добрался до острова.

Подойдя к Дворцу Великих Магистров, Арбатов хотел войти внутрь, но ему преградили дорогу два рыцаря в серебристых кирасах и в таких же серебристых касках с алебардами в руках.

Арбатов сказал им по-французски, что он прибыл из далекой России по поручению будущего русского Императора и хотел бы встретиться с Великим Магистром. Один из рыцарей вошел во Дворец, и вскоре к Александру подошел секретарь Эммануэля де Рогана Джузеппе и сказал:

– Следуйте за мной.

Они вошли во Дворец, прошли по анфиладе залов и подошли к двери Орехового кабинета, Джузеппе открыл ее:

– Прошу.

Александр вошел в кабинет и увидел пожилого мужчину, одетого в красный шелковый жилет с белым Мальтийским крестом на груди и красный шелковый камзол. У него были тонкие черты лица, на голове белый парик, на шее платок, на котором сиял орден в форме Мальтийского креста, выложенный бриллиантами.

Эммануэль де Роган поприветствовал Арбатова. Александр кивнул головой, молодежато черкнул каблуками сапог и браво отрапортовал:

– Его Императорское Высочество Павел Петрович Романов просил передать вам это, – Александр вытащил из кармана шкатулку.

Великий Магистр внимательно на нее посмотрел и спросил:

– Вы – посланник русского Императора?

– Да, – ответил Александр.

– Как вы добрались до нашей Священной Мальты?

– Хорошо, если не считать небольшой оказии, что приключилась со мной в немецком Любеке.

– Что вы имеете в виду?

– Да так, пустяки.

– Вы, наверное, устали с дороги, вы можете отдохнуть у нас пару недель. Вам, как посланнику будущего русского Императора, окажут должный прием, – предложил Великий Магистр.

– Благодарю, но я солдат, и мне не пристало отдыхать, пока данный мне приказ не выполнен. Я должен как можно скорее вернуться на Родину, и, по возможности, завтра же отправляюсь обратно в Россию.

– Достойный ответ, – сказал Великий Магистр, подошел к бюро, вытащил из одного из ящичков ничем не примечательную идеально отполированную деревянную коробочку и протянул ее Арбатову:

– Здесь находится предмет, имеющий огромную ценность, ценность большую, чем все сокровища этого брэнного мира. Передайте его вашему Императору. Я специально положил его в этот простенький футляр, чтобы у людей, промышленяющих разбоем и грабежом, не было бы соблазна завладеть им. Я это сделал не в обиду вам, я не сомневаюсь ни в вашей храбрости, ни в вашем благородстве, но мне кажется, что так будет надежнее.

– Я вас понял, – ответил Александр.

Великий Магистр вытащил из кармана маленький медный ключик, протянул его Арбатову и сказал:

– Вот ключ от этого футляра.

Арбатов попрощался с Великим Магистром и на следующий же день отправился в обратный путь.

Через три месяца и семнадцать дней Александр без приключений вернулся в Россию уже известным ему маршрутом: Италия, Австрия, Германия, Любек. Арбатов доставил деревянный футляр с Божественным кубиком внутри будущему Российскому Императору Павлу Петровичу Романову.

-12-

Лето тысяча семьсот девяносто седьмого года. Остров Мальта, Средиземное море. Великий Магистр Мальтийского ордена Эммануэль де Роган лежал в своей постели и по всем признакам умирал. Рядом стоял Казначей ордена, а теперь и его личный секретарь Палаццо (прежний секретарь Джузеппе покинул Мальту шесть лет назад). Только что ушел Приор Собора Святого Иоанна, он хотел исповедать Магистра перед «последней дорогой», но Эммануэль не приходил в себя, поэтому священник направился в Собор молиться за спасение его души. Великий Магистр уже три дня находился в беспомощности, и все это время Палаццо, как верный раб, находился рядом со своим господином. Неожиданно Эммануэль открыл глаза, узнал Палаццо и дрожащим голосом произнес:

– Палаццо, ты знаешь о существовании Священного серебристого куба, способного творить чудеса, и о том, что через год здесь появятся французы и разграбят все наши сокровища, но Священный куб...

Магистр не договорил, закрыл глаза и испустил дух. Палаццо скрестил на груди умершего его руки, зажег поминальную свечу и вышел из спальни.

Через несколько дней состоялись пышные похороны Великого Магистра Эммануэля де Рогана. После похорон Палаццо зашел в кабинет покойного и сел в его кресло. Последние несколько дней казначей был очень занят, он занимался организацией похорон Великого Магистра, но все это время ему не давали покоя последние слова де Рогана: «Но Священный куб...» – и сейчас, находясь в его кабинете в полной тишине, он пытался понять, что хотел этим сказать Великий Магистр.

После своего первого «путешествия» и встречи с Христом Эммануэль де Роган еще несколько раз перемещался во времени и пространстве и даже имел небольшой разговор с Первым Великим Магистром ордена Пьером де Обюсьеном. Но он больше никогда не прибегал к помощи Палаццо, забрал у него ключ от Сокровищницы и «Восьмигранный Зал Вечности»

всегда посещал один. Палаццо никогда не спрашивал Великого Магистра о загадочном кубике, но за несколько секунд до своей смерти Эммануэль неожиданно напомнил о нем.

Казначей помнил, что, когда он в первый и в последний раз попал в «Восьмигранный Зал», Магистр после своего возвращения сказал ему, что Спаситель хотел бы, чтобы этот кубик хранился в России, но выполнил или нет его просьбу Магистр, Палаццо не знал. «Великий Магистр не мог послушаться Спасителя, – подумал казначей. – А если послушался? Тогда это сокровище до сих пор здесь, на Мальте».

Когда Арбатов посещал Мальту в тысяча семьсот девяносто третьем году, Палаццо был в Риме и о его визите ничего не знал. Палаццо внимательно посмотрел по сторонам, он пытался понять, где в кабинете покойного может стоять серебряный ларец, в котором, возможно, до сих пор хранится загадочный кубик.

Его внимание привлек небольшой дубовый шкафчик на высоких резных ножках, стоящий справа от бюро, за которым обычно работал Эммануэль де Роган. Палаццо никогда не видел, чтобы Великий Магистр открывал бы его при нем. Он всегда был закрыт и заперт на замок, ключ от которого был только у Магистра. Но сейчас ключ почему-то был вставлен в замочную скважину. Казначей очень быстро встал с кресла, подошел к шкафчику, повернул ключ, и дверцы мгновенно распахнулись. Внутри стоял тот самый ларец, который они с Великим Магистром случайно обнаружили в Сокровищнице очень много лет назад, и где должен был храниться загадочный кубик.

Палаццо поставил ларец на стол и попытался его открыть, но тот был заперт, ключ от него был уже у нового Великого Магистра Фердинанда фон Гомпеша, который скорее всего ничего не знал ни о ларце, ни о загадочном кубике. Казначей аккуратно потряс ларец, и ему показалось, что внутри что-то есть.

«Похоже, кубик все-таки на месте, – подумал Палаццо. – Неужели Великий Магистр не выполнил волю Спасителя и не передал кубик в Россию? А если это сделаю я? Через год французы захватят Мальту, сокровища ордена будут разграблены, а сам орден будет упразднен, а я останусь и без должности, и без жалования. А если эту ценность, – Палаццо посмотрел на серебряный ларец, – в Россию доставлю я? Наверняка за это я получу неплохую награду и смогу безбедно прожить остаток своих дней в Московии. Да, именно так и нужно поступить, это единственное правильное решение».

Этой же ночью Палаццо втайне от всех вынес серебряный ларец из Дворца Великих Магистров и спрятал его в надежном месте. Утром он отправился в гавань, чтобы уговорить капитана корабля, идущего в сторону России, взять его с собой в качестве пассажира. В порту Валлетты стояло только одно небольшое торговое французское суденышко, направлявшееся из Африки в Грецию. Оно называлось «Магнолия» и утром следующего дня должно было отходить. Капитан «Магнолии» Пьер Карде согласился за умеренную плату взять с собой в плавание Палаццо, правда, предупредил об опасностях, которые могут их подстергать в пути.

Вернувшись, Палаццо собрал все свои пожитки и уложил их в большой, обитый кованым железом дорожный сундук. Серебряный ларец из кабинета покойного Эммануэля, как самую большую ценность, он положил на дно сундука, а сверху уже одежду, книги и всякую бытовую мелочь.

Чтобы его неожиданный отъезд не расценивали как бегство он оставил новому Великому Магистру Ордена Фердинанду фон Гомпешу запечатанный конверт с письмом. В нем говорилось, что после смерти Великого Магистра Эммануэля де Рогана, которому Палаццо верой и правдой служил почти двадцать лет, он просит отставки, потому что память об умершем Магистре не дает ему покоя. Он навсегда покидает Мальту и уезжает в Италию.

Ранним утром Палаццо со всем своим скарбом был в гавани и поднялся на корабль «Магнолия». Капитан Карде предоставил ему (своему единственному пассажиру) небольшую каюту, и судно вышло из гавани. Через два часа на «Магнолии» спустили французский флаг и под-

няли турецкий. Франция находилась с Англией в состоянии войны, а в Средиземном море всегда находились английские военные корабли, которые атаквали любые французские даже мирные торговые суда.

Палаццо поднялся на палубу и как замороженный смотрел вдаль, в свое, как ему казалось, безмятежное будущее. Но ближе к полудню на горизонте показался английский сорокапушечный фрегат «Виктория». Капитан Пьер Карде сразу же отдал команду немедленно сменить курс, но было поздно, на фрегате их уже заметили.

Капитан «Виктории» Джимми Скотт видел в подзорную трубу, что над «Магнолией» развивается турецкий флаг, но все равно решил задержать судно и произвести на нем досмотр команды и груза. С правого борта фрегата был дан предупредительный залп из пяти орудий, это означало приказ остановиться и лечь в дрейф.

– Тысяча морских дьяволов и миллион чертей в придачу, – выругался капитан «Магнолии» Пьер Карде, он прекрасно понимал, что его небольшому торговому суденышку не уйти от быстроходного английского фрегата, поэтому отдал команду убрать паруса, судно стало постепенно терять скорость и легло в дрейф.

Вскоре к «Магнолии» подошла большая шлюпка, на ней было двенадцать вооруженных ружьями английских матросов и два лейтенанта, одного звали Чарльз, второго Стив. Стив и два матроса направились в каюту капитана Карде разбираться с судовыми бумагами, а остальные во главе с Чарльзом – осматривать судно. Они побывали в трюме, в кубриках команды, но ничего подозрительного не обнаружили, и, наконец, добрались до коридора, где и находились две пассажирские каюты, одну из которых занимал Палаццо.

Чарльз открыл дверь каюты, кивком головы поприветствовал Палаццо и спросил его, знает ли он английский язык. Бывший казначей ответил, что знает, и дальше их разговор шел на английском. Чарльз посмотрел по сторонам и показал на большой, обшитый кованым железом сундук с пожитками Палаццо:

– Что здесь?

– Там мои вещи, я казначей Мальтийского ордена, плыву в Грецию с очень важной миссией, – как бы извиняясь, ответил Палаццо.

– Открой, – приказал лейтенант.

Палаццо подчинился и открыл сундук.

– Пит, – Чарльз обратился к одному из вооруженных матросов, – посмотри, что там.

Матрос вошел в каюту, подошел к сундуку и начал совершенно бесцеремонно выбрасывать из него все содержимое на грязный пол, пока, наконец, не добрался до серебряного ларца. Увидев дорогую вещь, Пит радостно воскликнул:

– Здесь что-то ценное.

– Вытащи, – приказал Чарльз.

Матрос выполнил приказ своего командира, достал из сундука ларец и поставил его на небольшой столик рядом со спальным местом.

Лейтенант очень внимательно осмотрел ларец и спросил:

– Что в нем?

– Здесь Священные сокровища, принадлежащие Мальтийскому ордену, – ответил бывший казначей.

Как только прозвучало слово сокровища, у молодого лейтенанта загорелись глаза в предвкушении легкой добычи, и он очень властно произнес:

– Открой, я хочу на них взглянуть.

– Я не могу, Священные реликвии могут увидеть только посвященные, – очень серьезно ответил Палаццо.

– Я приказываю вам открыть этот ларец, – безапелляционным тоном продолжил Чарльз.

– Я не могу этого сделать, – повторил бывший Казначей, – тем более, у меня нет ключа, он только у Великого Магистра Мальтийского ордена, – в этом Палаццо был абсолютно прав, ключ действительно теперь был у Фердинанда фон Гомпеша.

– Тогда властью, данной мне Королем Англии Георгом Третьим, – устал спорить Чарльз, – я конфискую этот ларец, – и взял его со стола, чтобы передать матросам, стоявшим рядом с каютой.

– Вы не имеете на это право, вы поступаете, как пираты, как воры, – крикнул Палаццо и бросился на лейтенанта, чтобы вырвать у него ларец.

В этот момент в каюте раздался оружейный выстрел – это один из матросов разрядил в Палаццо свое ружье. Бывший Казначей упал и через пару секунд умер, пуля попала ему прямо в сердце.

Возможно, матрос и не хотел убивать Палаццо, и все получилось как-то случайно, он просто хотел защитить своего командира.

– Дурак, – сквозь зубы прошипел выстрелившему матросу Чарльз и, бережно держа серебряный ларец, вышел из каюты.

Досмотровая команда с лейтенантом Стивом осталась на «Магнолии», а Чарльз с четырьмя матросами вернулся на фрегат и проинформировал капитана фрегата Джимми Скотта о случившемся.

Скотт очень долго рассматривал серебряный ларец и, наконец, сказал:

– Будем считать все произошедшее несчастным случаем, – капитан имел в виду смерть Палаццо. – А судя по бумагам, задержанный нами корабль Французский, поэтому я принимаю решение арестовать его и отконвоировать в один из ближайших подконтрольных нам портов на Севере Африки.

Тело несчастного Палаццо не нашло упокоения в земле, его завернули в старую дырявую парусину и бросили за борт в море. Его судьба уже больше никого не интересовала. Интерес вызывал серебряный ларец, а, вернее, его содержимое.

Капитан Скотт вызвал в свою каюту морского инженера-механика Томаса Свифта. На военном корабле конца восемнадцатого века было уже достаточно сложных механизмов, за которыми надо было присматривать и периодически ремонтировать, именно этим и занимался Свифт.

– Томас, на судне, которое мы сейчас конвоируем к берегам Африки, мы нашли контрабанду, – сказал Скотт, когда механик вошел в его каюту, но это была неправда, у капитана «Магнолии» Пьера Карде все бумаги были в порядке, и никакой контрабанды он не вез, просто корабль принадлежал воюющей с Англией стране. – Лейтенант Чарльз Пинтер при досмотре судна обнаружил на нем вот это, – Капитан «Виктории» показал на серебряный ларец из кабинета покойного Эммануэля де Рогана, стоящий теперь у него в капитанской каюте. – Хозяин ларца отказался его открыть и дать нам от него ключ, но был убит, как оказавший сопротивление нашей досмотровой команде. Ты не мог бы сейчас в моем присутствии вскрыть этот ларец? Я уверен, в нем перевозят что-то очень важное, – под словом «важное» Джимми Скотт подразумевал драгоценные камни и золото, и все это могло стать его собственностью.

– Нет проблем, я только схожу в свою мастерскую за инструментом, – ответил Томас.

– Хорошо.

Свифт вышел из каюты капитана и через десять минут вернулся с набором разнообразных слесарных инструментов. С помощью коловорота, буравчика, разных по размеру отверток и хитроумных крючков Томас попытался открыть ларец, но у него ничего не получилось, тот не поддавался.

После часовой борьбы с замком Свифт обратился к Скотту:

– Я не могу его открыть, есть только одно средство, чтобы узнать, что внутри, это распилить его, но это возможно сделать только в моей мастерской.

– Хорошо, я полностью тебе доверяю, можешь забрать его и делать с ним все, что угодно, но, когда ты поймешь, что удача вот-вот улыбнется тебе, – сказал, рассмеявшись, Скотт, – позови, пожалуйста, меня, я хочу при этом присутствовать.

Обиженный Свифт взял ларец и молча вышел из капитанской каюты, даже не отдав Скотту честь. В мастерской ему почти без труда удалось его распилить, но здесь у Томаса возникла еще одна проблема. Оказалось, что серебряным у ларца был лишь футляр, изготовленный искусным средневековым ювелиром по приказу Первого Великого Магистра Мальтийского ордена, без труда распиленный Свифтом, а под ним находился серебристый куб, сделанный из неизвестного металла и отполированный до зеркального блеска. Но на одной из его боковых граней было небольшое цилиндрическое углубление. Золотой ключ, всегда находившийся у Великих Магистров Мальтийского Ордена, по сути был муляжом, как и механический замок, вставленный в серебряный футляр. Куб, который обнаружил Томас, открывался при помощи маленькой алмазной полусферы, прикрепленной к месту, где заканчивались бороздки золотого ключа, хранившегося у Великих Магистров. Когда полусфера попадала в цилиндрическое углубление на одной из граней, крышка приподнималась. Но Свифт об этом, конечно, не знал и решил продолжить пилить...

Но справиться с серебристым кубом было совсем не просто. Примерно за тридцать минут работы Томасу удалось нанести лишь совсем неглубокую царапину на одну из идеально отполированных граней. Тогда инженер вызвал к себе в мастерскую несколько матросов, которые в течение семнадцати часов, поочередно сменяя друг друга, пытались распилить куб. И когда на фрегате склянки прорбили девять утра, работа, наконец, можно сказать была завершена. Правда, за это время пришел в полную негодность весь пилящий и режущий инструмент, находящийся на фрегате. Но задача, поставленная капитаном, была почти выполнена. Томас отпустил измученных матросов, но одного, который выглядел бодрее всех остальных, отправил к капитану Скотту сообщить, что его приказ практически исполнен.

Примерно через двадцать минут появился капитан, Томас запер изнутри свою мастерскую и еще в течение получаса допиливал ставший ему уже ненавистным куб. Наконец, все было закончено, Свифт и Скотт находились в предвкушении, что сейчас они станут обладателями несметных сокровищ. Но их ждало разочарование... Внутри находилась лишь одна небольшая золотая шкатулка, украшенная драгоценными камнями. Это была та самая шкатулка, которую вместе с перстнем Первого Великого Магистра Ордена Пьера де Обюсьена Консул Ордена Джулио Литто передал в Риме будущему Российскому Императору Павлу, когда тот с супругой путешествовал по Европе, и которая потом была возвращена на Мальту как условный знак поручиком Александром Арбатовым. Нет, она, конечно, представляла определенную ценность, но капитан Скотт и инженер Свифт надеялись увидеть несметные сокровища, и тут вдруг лишь одна золотая шкатулка.

Кроме нее там находились сложенный вчетверо пожелтевший кусочек пергамента (из которого Эммануэль де Роган впервые узнал, что серебристый кубик способен перемещать своего владельца во времени и пространстве), а также тетрадь в очень дорогом кожаном переплете с золотыми застежками. Это был дневник покойного Великого Магистра, где он подробно (очень красивым, аккуратным почерком) на французском языке описал все путешествия, которые ему удалось совершить с помощью «проводника»: и первое, когда он побывал в Священном городе и встретился со Спасителем, и визит к Будущему Российскому Императору Павлу Первому, а также и другие.

Капитан Джимми Скотт взял дневник Эммануэля де Рогана, быстро его пролистал и задумался: «Если эта тетрадь в дорогом кожаном переплете хранилась в ларце, который так долго

невозможно было открыть, наверняка, в ней записано что-то важное, может быть даже более важное, чем драгоценные камни и золотые монеты. Надеюсь, моего французского будет достаточно, чтобы ее прочесть».

Капитан Скотт взял золотую шкатулку, пожелтевший пергамент, дневник Великого Магистра и ушел в свою каюту, чтобы погрузиться в чтение. Прочитанное потрясло его до глубины души: «Если все то, что здесь описано, правда, то эти бумаги необходимо немедленно отправить в Лондон, в Адмиралтейство, а может быть даже в канцелярию Премьер-Министра... В этих записках информация государственной важности».

Скотт приказал инженеру Томасу изготовить надежный металлический ящик. Когда «сейф» был готов, капитан положил в него распиленный куб, части серебряного футляра, дневник Эммануэля де Рогана, пожелтевший листок пергамента и небольшое сопроводительное письмо, где изложил историю, приключившуюся с ларцом, и свои мысли относительно дневника покойного Великого Магистра Эммануэля де Рогана. Запер ящик на хитрый висячий замок, опечатал крышку в двух местах сургучом со своей личной печаткой и на ближайшем военном корабле, направлявшемся на Родину, отправил его в Англию, в Адмиралтейство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.